литературно-
художественный
альманах

ДУБРАВА

Выпуск II

Литературно-художественный альманах

ДУБРАВА

2017

Посёлок Селятино

УДК 82
ББК 84 (2 Рос = 2 Рус) 6
Д 79

Администрация городского поселения Селятино
МАУК «Библиотека городского поселения Селятино»

Альманах к печати подготовили:

Наталия Безрукова
Дмитрий Григорьев
Ольга Лобанова.
Кравец Марина

Автор обложки художник Дарья Брыгина

Д 79 «Дубрава». – Тамбов : ООО «ТПС», 2017. – 68 с., ил., фот.

УДК 82
ББК 84 (2 Рос = 2 Рус) 6

© Администрация городского поселения Селятино, 2017
© ООО «ТПС», 2017

Уважаемые читатели и авторы очередного альманаха!

Альманах «Дубрава» – это очередное творческое и литературное явление в культурной жизни нашего посёлка Селятино.

Примечательно, что второй выпуск «Дубравы» приурочен к славной дате – 60-летию посёлка Селятино.

В альманахе представлено творчество жителей городского поселения Селятино. Он объединил на своих страницах поэзию, прозу и живопись наших земляков. Здесь можно найти и познакомиться с творчеством известных мастеров и тех, кто печатается впервые.

Надеюсь, наш литературно-художественный альманах открывает новые талантливые имена и помогает им найти свой путь к сердцам читателей.

Приятно отметить, что появление второго выпуска – это хорошая традиция в юбилейный год нашего посёлка готовить такие замечательные подарки – своё творчество.

Думаю и надеюсь, что данное издание займёт достойное место на полках личных и массовых библиотек, в школах, учреждениях городского поселения Селятино и Наро-Фоминского муниципального района.

От всей души желаю нашим читателям интересных открытий на страницах очередного альманаха «Дубрава».

Глава городского поселения Селятино
Е. Н. Голубев

ИЛЬИН Владимир

Родился в Бурцеве (1936). С 1959 года работал в системе Треста «Гидромонтаж» – фрезеровщиком, нормировщиком, технологом, заместителем начальника цеха, начальником ОТиЗ Опытного завода. Окончил Высшую школу профсоюзного движения при ВЦСПС им. Н.М. Шверника (1985). Много лет посвятил профсоюзной работе. Трудовая деятельность Владимира Ильина отмечена медалями, почётными грамотами Министерства среднего машиностроения и ЦК профсоюзов, нагрудными знаками «Ветеран атомной энергетики и промышленности» и «Академик Курчатов».

ТИХАЯ ОХОТА

Сбор грибов называют «тихой охотой». Любители этих занятий с нетерпением ждут конца лета и начала осени, когда в лесу можно встретить разнообразные виды грибов: точёные округлые белые-боровички, ярко-красные подосиновики, приземистые и упругие чёрные и жёлтые грузди, мохнатые волнушки, нежные рыжики, дружные семейки опят.

Минувший сезон не оправдал надежды грибников из-за засушливого лета и запоздалых осенних дождей.

Прогуливаясь по бетонной дорожке посёлка и загребая ногами опавшие яркие кленовые листья, я понял, что в этом году грибной сезон не состоялся. И остаётся только надеяться, что будущий год будет в этом плане более благополучным.

Для любителя тихой охоты нет плохой погоды. Когда светит солнце, в лесу ласкает взор необыкновенная красота разнообразных деревьев и кустарников. В дождливую погоду в плаще с капюшоном и в сапогах-болотниках под шум дождя отвлекаешься от всех мирских забот, и только глаза рыскают по земле, отыскивая заветные грибочки.

На моей жизни было много грибных сезонов. Вспоминаются приятные и интересные эпизоды из прошлых лет. Об одном из них мне и захотелось рассказать.

В один из осенних дней я пошёл по грибы по маршруту Жёдочи – Игнатово. Светило солнце, на земле уже лежали жёлто-красные листья, летала паутина, кусались надоедливые мухи, жужжали и с лёта врезались в волосы неприятные лосёвые клещи. В лесу было тихо, никто не аукался, грибы попадались редко, но зато они были чистые, крепкие и необыкновенно красивые. Когда их срезаешь, ножка аж скрипит.

Подходя к опушке Игнатовского поля, я достал из кармана припасённый бутерброд и начал подкрепляться на ходу. Как вдруг почувствовал, что будто кто-то наблюдает за мной. Оглянувшись, увидел в десятке метров метнувшуюся в кусты, не очень крупную, как мне показалось, собаку. Отломив кусочек хлеба, бросил его в ту сторону и пошёл дальше. Пройдя несколько шагов, обернулся и увидел, как из кустов показалась сначала остренькая мордочка, а затем вытянутое тело и длинный пушистый хвост. Заметив ярко-рыжий окрас, я перестал сомневаться – передо мной лиса. Тонкие, изящные формы тела и какая–то свежесть в облике зверька, а также его повадки убедили меня в том, что это молодой и голодный лисёнок. Я начал понемногу отламывать то колбасу, то хлеб и кидать кусочки в сторону

моего сотрапезника. После каждого взмаха руки лисёнок прятался в кусты, а затем быстро, по запаху, находил лакомый кусочек. Близко он ко мне не подходил, однако не упускал ни одной возможности проглотить ароматной колбаски и душистого хлеба. Вдруг на военном полигоне раздались мощные артиллерийские залпы. И мой лисёнок на некоторое время пропал. Стало чего-то не хватать, грибы перестали попадаться. Я крутил головой во все стороны и поймал себя на мысли, что не столько хочу увидеть гриб, сколько лисёнка. Наконец теперь, уже впереди, мелькнуло яркое огненное тело зверька. Я бросил последний кусочек еды. Ещё несколько раз лисёнок метнулся то слева, то справа от меня. Однако почувствовав, что у меня кончилась прикормка, он потерял ко мне всякий интерес и больше не появлялся. Мы вместе собирали грибы всего часа полтора. Возвращался я домой с полупустой корзинкой, но с хорошим настроением от общения с одним из ярких представителей наших подмосковных лесов. Было приятно сознавать, что пока ещё можно встретиться с лисой не только виртуально на экране телевизора или читая на ночь сказки внукам, но и в натуре в живой природе.

АКТИВНЫЙ ОТДЫХ В КАРЕЛИИ

Большинство людей любят проводить свой отпуск на берегах южных морей. Они получают удовольствие от плавания в тёплой солёной воде, от лежания на прибрежном песке, подставляя своё тело горячим солнечным лучам, при этом поворачиваясь, как шампур в мангале. Но есть другая категория людей, которые предпочитают южным морям реки и озёра Карелии. Я знаю целую группу жителей посёлка Селятино, влюблённых в природу этого края и отдыхающих там ежегодно на протяжении десяти-пятнадцати лет. Я благодарен им за то, что они принимали меня в свою команду на протяжении многих лет. Следует отметить, что это высоко организованные и хорошо оснащённые люди, продумывающие перед поездкой всё до мелочей. Целью поездки является рыбная ловля, охота на боровую и водоплавающую дичь, сбор грибов и приобретение лесных ягод. Проживание в палатках на берегу озера. Питание и приготовление пищи в специально оборудованном летнем павильоне. На берегу озера в специальной палатке оборудуется русская баня.

Любителей отдыха, помимо всех увлечений, привлекает природа края. Здесь чистый свежий воздух в сосновом лесу, чистая озёрная вода, наличие птиц и зверей. Мы однажды встретились с медведем. Ехали по лесной дороге на машине, и вдруг впереди метрах в пятнадцати появляется «Мишка». Мы остановились стали думать, что нам делать. Он тоже остановился. Решили потихонечку продвигаться. Он на такой же скорости закосолапил вперёд. Мы прибавили скорость – он побежал быстрее и всё время оглядывался через плечо. В конце концов «Мишка» уступил нам дорогу и скрылся в лесу.

Рыбалка проводится на моторных лодках, а охота и сбор грибов – на квадрацикле.

Ленивый отдых здесь не в почёте. Одни с утра едут на охоту и по грибы, другие – на рыбалку, а два человека заступают на дежурство по лагерю. В их задачу входит заготовка дров, приготовление пищи, мытьё посуды, обслуживание во время приёма пищи, наведение чистоты и порядка в лагере, соление, копчение и чистка рыбы, обработка грибов, их отваривание и засолка.

Поздним вечером разжигается большой костёр у кромки воды. Ведутся задушевные беседы и поются песни под гитару.

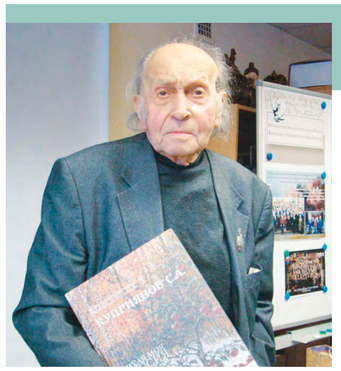
Моё личное увлечение – рыбалка, и я не упускаю малейшей возможности порыбачить. На озёрах Карелии мы занимались тралением хищной рыбы, ловлей их на спиннинг. Плотву ловили на заранее прикормленном месте на поплавочную удочку. Последний вид ловли по мне был самым увлекательным. Здесь и произошёл курьёзный случай, который навёл меня на мысль написать этот рассказ.

Однажды после завтрака мы с Виталием направились на прикормленное место. Заякорились, закинули удочки. Ждём поклёвки. По очереди вынимаем то плотвичку, то окушка. Вдруг Виталий закричал: «Давай подсачик»! Оказалось, что клюнул у него окунь, а во время выважи-

вания его схватила щука. После подъёма её на поверхность воды она отпустила окуня и ушла на глубину. Я не успел поймать её подсачиком. Адриналинчику мы схватили сполна. За обедом нам было о чём поговорить.

На следующий день я снова поехал рыбачить на это место, но напарником был у меня другой рыбак – Валера. Когда собирались, забыли взять с собой подсачик. Но решили: «Ладно, мы идём ловить плотву, и он нам не пригодится».

Как и всегда, мы заякорились, закинули удочки, и вдруг у меня стандартная поклёвка плотвы. Подсекаю, начинаю вываживать и через долю секунды почувствовал тяжесть. Оказалось, что мою плотву по дороге так же, как и в предыдущий день у Виталия, схватила щука. Я вывел её на поверхность воды и подвёл поближе к Валере. Он ловким плавным движением руки схватил щуку за жабры. Моя щука оказалась более жадной, и никак не хотела отпускать свою добычу или не смогла, т.к. её зубы направлены вовнутрь, и при постоянном натяжении лески ей не удалось их высвободить из тела плотвы. Щука оказалась хорошим трофеем, весом два килограмма двести граммов, а котлеты из неё, приготовленные нашим дежурным поваром, оказались очень вкусными. Естественно, разговоров по этому поводу было немало, а нас с Валерой прозвали везунчиками, так как такие примеры в рыболовной практике бывают нечастыми, потому что в подобном случае щука освобождается от своей добычи.



КУПРИЯНОВ Сергей

Родился в 1928 году в Москве в семье художника. В 1954 году окончил Московский художественный институт им. В. И. Сурикова, отделение графики. Работал в издательствах: «Детгиз», «Молодая гвардия», «Малыш», где проиллюстрировал более ста книг детской литературы, в т. ч. произведения А. П. Чехова, В. Бианки, Е. Чарушина, Г. Снегирёва, И. Соколова-Микитова и др. Умер 16 января 2017 года.

Тихая моя Россия!

Посвящается Народному художнику России
Куприянову Сергею Алексеевичу.

Тихая моя Россия
С куполами в небеса.
Богом данная Миссия
На великие дела.

Необъятные просторы,
Бесконечные леса.
И луга, как изумруды,
И бегущая река.

Все идут на службы в храмы,
Божья всех ведёт рука.
Светит солнце через рамы,
Как молитва на века.

Боль Ты наша, и отрада,
И надежда, и любовь.
Божья милость, как награда,
Охраняет вновь и вновь.

Вера наша бесконечна.
Ты для нас родимый дом.
Только с Богом будешь вечно
Согревать всем души в нём.

С перезвоном колокольным
Возрождение сердец.
Всем коленопреклонённым
Вечность дарит Бог-Отец!

Тихая моя Россия!
Величава и сильна!
Богом данная Миссия!
Православная страна!

Снежана Егорова
22.12.2016 г.

Разлив на Десне

Он лежал у меня на ладони размером с мышонка, мокрый, липкий, растопырив лапки и тыкая тупой мордочкой мне в пальцы, потому что ладонь свою я держал так, чтобы он не свалился с неё, лодочкой. Похож он был на маленького тюленя, только глазки были закрыты и вместо ласт у него были лапки с розовыми ладошками. Он поднимал свою головку кверху, стараясь что-то поймать, но, ничего не поймав, головка его бессильно падала на мою ладонь. Он был настолько слаб, что даже ни разу не пискнул.

А мама его всё рожала и рожала. А когда закончила, стала приводить их в порядок. Она лизала их своим шершавым розовым язычком, очень быстро, то одного, то другого, как будто спешила, а потом, видно, очень устав от всего произошедшего, упала на бок, откинула голову, тяжело вздохнула, и началась кормёжка. Все пятеро, несмотря на слепоту и беспомощность, быстро сориентировались и, отталкивая друг друга, находили каждый своё место. А потом, насытившись, по очереди отпадали, как пиявки, и тут же, успокоившись, засыпали. Мне эта картина напомнила то время, когда водку в Москве продавали с одиннадцати часов. Когда ровно в одиннадцать двери магазина с трудом открывались из-за толпы жаждущих, и те, так же расталкивая локтями, а то и кулаками друг друга, прорывались к прилавку, а получив долгожданную, подчёркнуто спокойно, не спеша, протискивались к выходу.

А родила Даша, так звали нашу собачку, 4-го ноября. Мы уже приехали в Москву из Мишуткина, потому что дом оказался холодным, плохо проконопаченным. Да и печку мы переделывали два раза.

А собачки потихоньку подрастали. Глазки у них открылись, и начал проявляться у каждого свой характер. Были они все очень разные. Только две были одинаковые. Они сразу отличались от других тем, что у обеих были короткие хвостики, иной раз даже казалось, что их не было вовсе, у остальных – длинные хвосты. Все были тёмно-коричневыми, а один даже был белый с тёмными пятнами. Отцовство тех двоих, без хвостиков, я определил сразу. У нашего соседа по даче Феликса был небольшой пёсик с коротким хвостом, как у козы.

А время шло, и собачки стали потихоньку выкарабкиваться из коробки, где они жили, и расползаться в разные стороны прихожей, оставляя за собой бесчисленное количество лужиц и кучек.

Двоих щенков мы определили быстро: одну девочку взяла наша знакомая, другого, белого с пятнами, отвезли к знакомым на край Москвы. Осталось трое. А мне приглянулся тот, который без хвостика. Во-первых, мальчик, и потом он был какой-то нескладный и смешной. Глазёнки добрые и грустные, пузцо розовое с пятнышками, да и жалко мне его что-то стало, и подползал он ко мне чаще других. Может быть, я ему тоже приглянулся?

Двоих девочек мы тоже определили, а моего оставили. Повезло мальчишке. А назвали его Трогл, от слова троглодит. Уж очень он любил покушать и ел быстро, оглядываясь, нет ли кого-нибудь рядом. А рядом оставалась только Даша, мамка его. Она, поняв, что он у неё остался один, опекала его с особым усердием. И было мне в ту пору уже 68, хотел сказать не «уже», а «только» потому, что всё ещё впереди, и очень мне было не по себе, что кто-нибудь из незнакомых говорил мне «отец» и тем более «дедушка», «дедуля». Ну а таджики, которых, по моему мнению, в Мишуткине больше, чем местных жителей, говорят мне «Дэд-дэд, работа эсть?»

А Трошка из маленького, неуклюжего щенка, потихоньку становился уже довольно сильным пёсиком с крепкими ножками, хотя и очень тонкими.

Всё ему было интересно, весь участок он изучал, каждый закуток, каждый кустик. И везде помечал, как бы говорил, что здесь он единственный хозяин.

На чужих лаял, но был добрым, особенно если видел, что я к тем, кто приходил к нам, не делаю резких движений.

По участку он бегал свободно, но если мы выходили за калитку, я брал его на поводок, потому что были случаи, когда по улице бегали огромные собаки, наводя страх не только на собак. Тянул Трошка меня сильно, так что мне приходилось всем телом отклоняться назад, чтобы удержать его. Зато когда мы выходили в поле (сейчас оно застроено коттеджами), я отпускал его, и он мгновенно исчезал в высокой траве. А поле было большое, с островками белых ромашек, с розовым иван-чаем и другими полевыми цветами. Он то появлялся над травой, взмахивая ушами, то скрывался опять, и только по шевелившейся травяной бороздке можно было определить направление, в какую сторону он бежит.

А потом, набегавшись и насладившись своим бегом в этой цветочной красоте, ложился у моих ног, высунув язык, и часто-часто дышал, вздрагивая всем телом.

Когда я уезжал в Москву на несколько дней, Галочка говорила, что он часто прыгал на кресло и подолгу смотрел в окно, но поняв, что я не появлюсь, укладывался около кресла, вздыхая тяжело, и, успокоившись, засыпал.

А вот когда я возвращался, то он очень своеобразно показывал свою любовь ко мне. Зная, что я быстро закрывал ворота, чтобы он не выскочил на улицу, он, прыгая через ступеньки прямо на бетонную дорожку, нёсся ко мне, пробегал мимо, потом летел за дом, обегая его несколько раз, сметая всё на своём пути, и, успокоившись, останавливался около меня, я трепал его и чесал за ушками. А он потом бежал впереди и также легко, минуя все ступеньки, залетал в избу и только тогда, окончательно успокоившись, ложился под стол.

Спал он со мной, на втором этаже. Он быстро взбегал по лестнице ко мне в мастерскую (там я и спал, и работал), легко прыгал ко мне на лежанку, я его гладил, говорил с ним. А он укладывался у меня в ногах и быстро засыпал, а я с удовольствием ощущал его тёплую тяжесть.

Мы очень любили друг друга. Довольно часто ко мне приезжала «скорая помощь». Врачи поднимались ко мне на второй этаж, а Троша каждый раз встречал их, лёжа под столом и помалкивая. Потом, когда мне делали кардиограмму, он потихоньку выходил и аккуратно залезал ко мне на лежанку, садился около стенки, ближе ко мне, и наблюдал, что эти люди в белом со мной делают.

Видя, что всё в порядке, он укладывался между мной и стенкой и всё время лежал со мной, даже тогда, когда «скорая» уезжала.

«А время не ждёт, а время не ждёт». Кусты на нашем участке превратились в деревья. Ёлочки и сосенки, которые я сажал, раньше путались в траве, я боялся их нечаянно скосить вместе с травой, выросли и стали елями и соснами. А на яблоньках, не всегда, но появлялись яблоки. Берёзку, которую я когда-то пожалел, нескладную и корявую, росшую на обочине бетонки, я посадил около дома, и стала она красивой берёзой и выросла выше крыши.

Даша, мама Трошки, умерла, болела сильно. Мы похоронили её, и на том месте выросла большая, пышная черёмуха.

Галочка очень скучала по Даше, и мы взяли красивую длинношерстную таксу. Назвали его Флоксик. Хороший был ласковый пёсик, но сильно болел, прожил с нами двенадцать лет и умер летом, в прошлом году. Очень жаль его.

Много, много хорошего и плохого было за эти годы. И мы болели, и собачки тоже. «А время не ждёт, а время не ждёт». Уже прошло моё семидесятилетие и наступило моё восьмидесятилетие. Никто из официальных учреждений меня не поздравил. Союз художников якобы послал телеграмму, но я её так и не получил. Что удивительно, очень тёплую телеграмму прислал мне руководитель Администрации Президента Сергей Иванов. Ну и, конечно, поздравили родственники и друзья.

Восемьдесят пять лет! Поневоле приходится смириться, что меня называют дедушкой, но я и есть дедушка, даже уже дважды прадедушка.

Ощущаю ли я свой возраст? Нет, не ощущаю, но от много приходится отказываться. Просто нет сил делать то, что когда-то делал с лёгкостью, не думаю о последствиях.

Говорят, что собаки, когда долго живут с хозяином, становятся похожими на него. Вот и Галочка говорит, что Троша очень похож на меня. Да я это и сам вижу. Особенно в поведении, в повадках. То, что делал раньше быстро, сейчас делаю неспешно, с остановками, делая вид, что я о чём-то задумался. Так же и Троглик.

В начале моего повествования я писал про него: он бегал, тянул сильно, прыгал на кресло, прыгал через ступеньки, нёсся ко мне, летел за дом, бежал, снося всё на своём пути, галопом бежал, залетая в избу, быстро взбегал на второй этаж. Вот и я так же бегал, прыгал. Не очень быстро, но сравнительно легко поднимался на второй этаж в мастерскую. Теперь, когда я приезжаю из Москвы, Троша также радостно меня встречает, хочет опять делать круги вокруг дома, но когда спрыгивает через три ступеньки с крыльца, ноги его не держат, и он плашмя падает на бетонную дорожку, беспомощно раскинув лапки, и также беспомощно смотрит на меня. Я подхожу к нему, помогаю подняться, и он, как бы оправдываясь, тыкается мордочкой мне в ноги, а потом, пошатываясь, идёт к дому. С трудом преодолев три ступеньки, пытаясь, как и прежде, пробежать вокруг стола, он несколько раз, упав на поворотах, тяжело падает под стол и успокаивается. На второй этаж он теперь не взлетает, а очень медленно и осторожно поднимается до площадки и ждёт, когда я ему помогу подняться дальше. Он несколько раз срывался и теперь боится идти один. Я обхватываю его попку сзади, толкая вперёд, и он, перебирая лапками, забирается ко мне в комнату.

Чтобы он не скользил на полу и на лестнице, мы купили специальные ковровые нашлёпки для ступенек, а на полу постелили коврики. А чтобы ему было легче прыгать на мою лежанку, я сделал небольшой трамплинчик, как ступеньку перед кроватью. И теперь он не прыгает на кровать, а потихоньку карабкается и ложится, тяжело вздохнув, в ногах.

А я то же, как Троша, чтобы подняться к себе в мастерскую, также останавливаюсь на площадке, отдохну и, держась за перила, поднимаюсь к себе. Когда мы с ним ходим по участку, часто спотыкаемся, потому что у Троши слабенькие ножки и видит он, как и я, плохо и ничего не слышит. И мордочка у него давно поседела, особенно около носика, а брови, как у стариков, нависли домиком над глазами. Да и похудел он за последний год очень сильно, и чувствую, да и видно, что худеет на глазах. Когда гладишь его от головы до хвостика, то все косточки ощущаешь под пальцами. Но кушает он хорошо, и это меня радует.

Ему 4 ноября исполнилось уже 18 лет. Говорят, по каким-то меркам он старше меня и что он долгожитель. Но это меня не очень радует. Когда я его утром выпускаю погулять, он сначала бежит трусцой, а потом тут же переходит на шаг и идёт, заваливаясь то на один бок, то на другой.

Да и меня, когда иду, тоже иногда качнёт то влево, то вправо. Со стороны подумают: «Идёт пьяный старик с собачкой».

Я замечаю, что и у меня походка стала другая. Чаще стал шаркать ногами. Медленно сажусь на стул, когда садимся обедать, не сразу встаю, а несколько раз качнусь и на второй, третий раз, наконец, встану.

Я часто вспоминанию своего дедушку по маминой линии, когда он утром одевался: просунет одну ногу в брючину и сидит долго, долго, о чём-то думая. Потом, будто что-то вспомнив, начинает не спеша вторую ногу просовывать в брючину. Я это вспоминаю, когда замечаю, что и я делаю так же. Или так же, как он, ищу очки свои, хотя они у меня на лбу находятся. И смешно, и грустно.

«А время не ждёт, а время не ждёт». А время не ждёт, а летит, с каждым годом, с каждым днём всё быстрее и быстрее, даже с ускорением. Как будто напоминает нам, что осталось совсем немного и надо ещё много сделать.

Вот эту скорость я ощущаю уже давно, а тормознуть невозможно. Так жизнь устроена. Всё когда-то кончается и всё проходит, но что-то остаётся от нас. Не только дети, как продолжение жизни рода твоего. Ведь каждый человек не просто живёт. А кто учил, кто строил, кто летал… Надо жить так, чтоб тебя вспоминали добром. Когда человек идёт по неизведанной дороге или

в глухом лесу, он всегда оставляет на своём пути зарубки на деревьях, чтоб возвратиться обратно, не сбиться с пути. Хотя по этой дороге, по которой мы идём, назад ещё никто не возвращался. Но зарубки надо оставлять для других, которые идут следом за нами. Вот почему я и хочу издать альбом своих работ. Это и будет моей зарубкой на этой дороге. А путь назначения у этой дороги для всех один. И дорогу эту каждый человек выбирает свою. Путь один, а дороги разные. И у каждого человека на его дороге есть свой навигатор – совесть.

Раньше, помню, говорили: «Совестливый человек был», или ещё так: «Жил по совести».

А мы с Трошей потихоньку всё идём и идём по нашей дороге, спотыкаясь, но всё-таки идём, и хочется ещё пройти, сколько получится, сколько Бог даст. Я Троше помогаю идти, а мне Галочка помогает, а я ей, как могу. Вот пока и идут два старика, я и Троша, по этой очень красивой и долгой дороге, которая обязательно когда-то кончится.

Хотелось, чтоб не очень скоро.

А 16 января случилось то, чего я всё равно ожидал, но очень боялся. Нашего Троши больше не стало.

Я похоронил его около бани, рядом с Флоксиком, среди кустов сирени, белой и простой, деревенской.

Сосед Сафар помог выкопать могилку, и на этом месте у голых ветвей образовался небольшой холмик, который среди снежной белизны выделялся тёмным, холодным пятном. Я поблагодарил Сафара, и он ушёл. А я остался у могилки совсем один, Галочка в больнице, маленькая собачка, которую Галочка взяла после смерти Флоксика, на время у соседей в Москве.

А был солнечный, морозный день, сверху сыпалась серебристая снежная пыль, сверкая на солнце бесчисленным количеством бриллиантиков, и холмик этот постепенно белел, а потом, как и всё вокруг, оделся холодным, белым покрывалом.

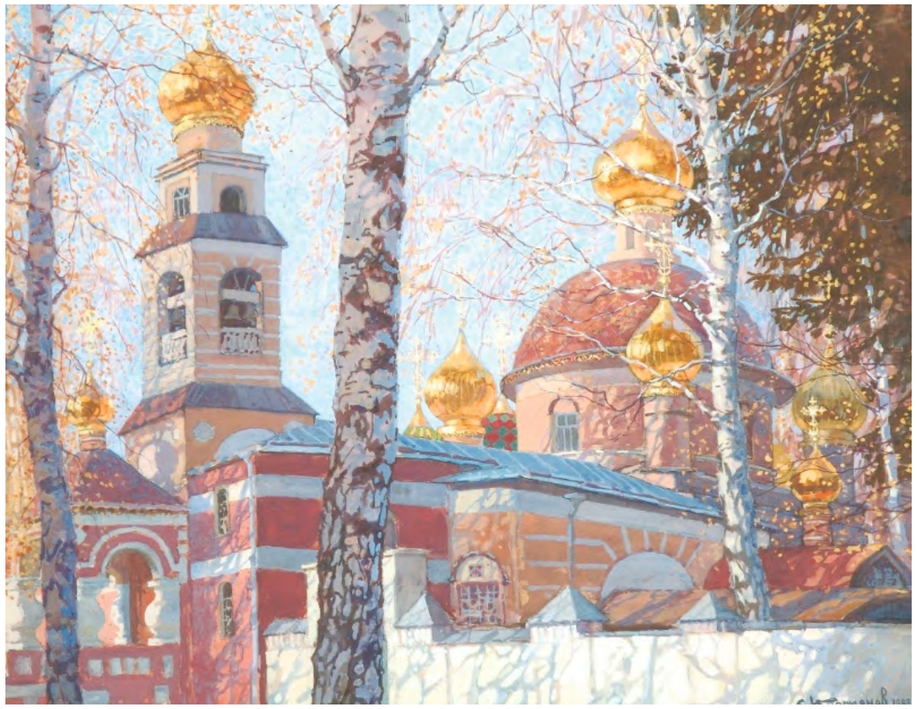
И стало холодно. И вдруг я ощутил себя одиноким, потому что тяжело расставаться с другом, которого очень любил, который любил тебя, который молчал, но всё понимал.

Я постоял какое-то время и, скрипя валенками, пошёл к дому. Дома было очень тихо. Очень.

Январь 2014, Мишуткино

Зеленеет

Март



Церковь Преображения в Переделкино

Мостик детства

На выставке Народного художника России

Куприянову Сергею Алексеевичу
посвящается.

Вот черноплодка на картине,
Как виноградная лоза.
А рядом яблоки, калина
Да и замёрзшая река.

И Шишкин лес, и потеплело,
И летний вечер на лугу.
Сердце России здесь застыло
И иней на резном мосту.

Встаёт и солнце над Валдаем,
О прошлом стоя вспоминаем.
Идём осеннею аллеей,
Надежду в сердце мы лелеем.

Ступени жизни всех ведут
В сад, где пионы зацветут.
И флоксов аромат прекрасных
Багрец и золото слепит.

Огонь пылает маков красных,
И зимний лес спокойно спит.
И натюрморт даров осенний
Соленья с тыквой на столе.

И журавли летят здесь стаей,
Прощальный крик даря земле.
Вот речка вскрылась, вечереет
И поле русское зовёт.

Сирень весной здесь расцветает
И поле снегом заметет.
И яблони, и белый снег,
От красных яблок яркий цвет.

Ещё зелёная листва.
А первый снег вступил в права.
Лишь золотом блестят берёзы,
Придут уж скоро к нам морозы.

Но из картин пусть все узнают,
Душа художника страдает.
В картинах выразил тревогу,
Нашёл народ чтобы дорогу.

От боли сердце замирает,
Когда планета умирает.
Уселась на пеньке ворона,
Не уготовил Бог ей трона.

И поминальные вот свечи,
На том лишь свете будут встречи.
И колокольный слышен звон,
Ведь Храмы здесь со всех сторон.

Надежду всем вселяют вновь,
Чтобы не стыла в жилах кровь,
Чтоб ко всему были причастны,
Не будем мы тогда несчастны.

Снежана Егорова
23.01.2009 г

ФЕДУЛОВА Прасковья

Родилась в 1939 году в деревне Абатурово Костромской области. Писать начала в 1969 году. Ветеран труда. Автор почти пятидесяти рассказов, опубликованных в периодических изданиях Костромы, Калуги, Наро-Фоминска, Селятино, а также автобиографической повести «Здравствуйте, люди», пока не изданной. Тема малой родины – главная в творчестве Прасковьи Федуловой. За активную литературную деятельность, создание произведений, воспевающих русскую природу, отмечена благодарственным письмом главы городского поселения Селятино.

СТУДЕНЕЦ*

«… Догорала зорька за лесами
Гуще тени на землю легли,
В этот миг торжественно над нами
Появились в небе журавли…»
(Из стихов В. И. Куликова)

А деревня-то «Счастливое» называется. И гостим мы почти месяц. Миновали проливные дожди, установилась тёплая солнечная погода. Отпуск мой заканчивался, чему сынишка очень огорчился.

– Татьян, пойдём в лес «кормить комаров», на-ко, надень резиновые сапоги, – обратилась ко мне тётушка, улыбаясь и тихо прихохатывая. Вертела в руках сапожки: «Вот на чердаке нашла, ну не новые, конечно. Надень, в лесу сейчас сыро, прохладно под вечер, пойдём на Студенец за водой. Помнишь родник-то?»

– Конечно. Далековато, правда. Но за такой водой сто́ит. Я меряю сапожки, смотрю довольно на тётю. Она уже полностью снарядилась. На ней надета брезентовая куртка, на голове низко, до бровей, повязан белый латок. На ногах новые резиновики. Размер у нас разный. Они ей так шли, обрамляли красивые икры ног, казалось, что она собралась в гости.

– Скоро вечер, – засомневалась я. – Надо бы дождаться Андрейку, он на велосипеде поехал в село узнать (посмотреть афишу), какое завтра будет кино.

– Не беспокойся, Матвеевна уже, поди, скутала баню, сейчас прийдёт. Она и скажет Андрейке, чтоб маму не искал. Мы скоро. Да и дверь не запрём. В калиточкин проём воткнём палочку – вот и весь запор.

… В избе было свежо и уютно. Закатное солнце разбросало лучи по небу, палило в окна, отражаясь в посудном шкафу. Быстрей обычного, казалось, тикали ходики. На полу на домотканой льняной дорожке спал котёнок, его мать дремала на печке, свесив хвост. На оттоманке* лежали книги, журналы, которые читал Андрейка.

Из-под горы со стороны бани идёт Матвеевна, неся под мышкой охапку травы скотине. Я уверенно одеваюсь: кофту с длинным рукавом, «свежепринесённые» сапожки. Даже здорово! Повязала платок «по шейке», ойкнула от нечаянного укуса пчелы. Нина Алексеевна (мы так все звали тётю, она – учитель) открыла двери в сени, указала на вёдра с коромыслом и с напевом приговаривала-повторила:

– На Студенец за ключевой водой. Завтра ведь праздник в нашей деревне – Казанская. Пироги будем печь, чай пить из родниковой воды. Да и Серёже я наказала, как будет идти с работы, чтоб в делянках набрал малины. Можно печь и с брусёной, вон в голбце* полушата* ещё с осени стоит. Да я не люблю, одна брусница горчит, а с малиной вместе – самое-самое. Муки вон целый мешок

в чулане. Пеки – не хочу. Вчера из сельпо привезли. Свежая. – Баня готова, – тихо произнесла Матвеевна, положив траву на мосток около двора. – Только больно жарко, пусть пар поустоится, – она вытерла фартуком раскрасневшееся мокрое лицо. – Да и Сергея ещё нет с работы.

– Баня любит вечер, а мы вот идём с Таней за водой, – сказала тётя, вскинула коромысло с вёдрами на плечо, и мы уже спускаемся по ступенькам на улицу. – Вот и хорошо, а скотину я встречу. Идите.

… На крыльце радостно завизжал щенок. Приехал Андрейка, поставил велосипед, прислонив к перилам. – Кино завтра будет днём, называется «Олень – золотые рога». – Завтра и пойдёшь, – тихо сказала я сыну, – сейчас поешь, Матвеевна вон чугунок с кашей из печки вынимает ухватом. А потом смотри телевизор, читай. Мы скоро вернёмся. – Ладно!

Он сбросил с головы пилотку, лёг на пол и стал щекотать брюшко котёнку, радостно смеясь.

От пола веяло прохладой, чистотой, свежестью, его только что помыла Нина Алексеевна, составила цветы с окон и освежила холодной водой. Пусть всё радуется. Завтра праздник. … И вот мы идём узенькой тропочкой от дома к лесу. Некошеная трава скручивает ноги, не даёт шагать. Приходится отодвигать её ступнёй сапога, чтоб не споткнуться, не упасть. Тропка узенькая – мало народу тут ходит. А вокруг море цветов. В небе летают ласточки. Это они выпорхнули со своих гнёзд на повети и с радостным вспархиванием крылышков поют, провожают нас. В траве громко скрипят кузнечики. На слабом ветерке колышатся бледно-сиреневые колокольчики, их столько, что кажется, будто их специально сеяли, белая ромашка клонится от дуновения ветерка. И низко, почти на самой земле распластались алые, розовые «часики», сорвёшь, любуешься, трогаешь за головку бутончика, а лепесточки передвигаются, как стрелочки на часах.

… Вошли в лес, тропинка стала пружинисто подниматься-опускаться от сырости. – Ну-ко, два месяца лили дожди, – Нина Алексеевна останавливается. – Все наводопело*, в глухом-то лесу посуше, смотри, по обочине-то что грибов…

– Давайте зайдём, – предлагаю я.

– Да что ты? Надо торопиться, а то отемняет, и до родника-то ещё с километр ходу.

… Идём по мокрой осоке, а по бокам дорожки стоит в метр высотой коричнево-зелёный цветок, а дальше их ещё много, густо – не продерёшься, как заросли. Гранёные стебли его шероховатые, пятилапчатые листья, а на самом верху пучок волнительно-ароматной бело-жёлтой ваты. Дух от него исходит неповторимый. Горький, резкий.

– Это дурман-трава, – увидев моё удивление, тихо поясняет тётушка. – Давай побыстрей пойдём, а то угореть можно. Я-то что? А ты… с непривычки…

… Мне-то хочется забраться в чащу – заросль диких цветов и… дышать, вдыхать дух приволья. Идём быстро, лес закончился, вышли на большую поляну, по краям заросшую иван-чаем. А за ним глухой кругосторонний лес.

– Смотри, Таня, как вызвездился иван-то чай?! Он алеет – значит, поспела малина, – говорит Нина Алексеевна, – верный знак.

Я любуюсь цветами, поляной и ищу, ищу глазами родник. Где он? – Вон, вон, – показывая коромыслом, говорит тётя. Вёдра она поставила на землю, тут же бросила коромысло, поправила на голове платок. Вижу: вверх взмывается белый столб воды, поток искр. Высокий фонтан бьёт, журчит – разговаривает, вода выливается через край «сруба», что изготовлен из обструганных осиновых кряжиков.

– Серёжа постарался, а то ходили на сенокос, сперва случайно заметили – бьёт вода из-под земли. Пораскопали – и вот фонтан родниковой воды. Не зря тут сена сочные, укосные, скотина ой как любит. Нам давно тут покос нарезали, вот все лета и косим. Вишь, стоят три стога у леса, это наши.

… А комарьё в глаза лезет, не успеваешь отмахиваться «веником», что сорвали по дороге. Нина Алексеевна подставила ладони под ледяную струю. Умыла лицо и, закрыв глаза, напилась, отряхнула руки и присела на маленькую скамеечку, над которой на высоком кусту висела алюминиевая кружка (для временного путника). Я тоже умываюсь и пью – не напьюсь такой вкусной родниковой воды. «Ох!» – крякнула и села рядом с тётей.

– Вот это и есть Студенец, отдохнём, полюбуемся – и домой… с водичкой из Студенца, которая бьёт и бьёт зиму и лето из глубоких недр земли, давая людям радость и здоровье.

Белая полоска неба порозовела. Лучи солнца мутно пробивались сквозь облака. Подул лёгкий ветерок, стало прохладно.

– Что-то зябко стало, вечереет. Пойдём домой, – медленно вставая, проговорила тётя. – Придём, погреемся в бане. Хорошо, что Матвеевна истопила, – задумчиво сказала она. – Завтра большой праздник!

… А я стою заворожённая, глаза мои не налюбуются на такую красоту. А запах – дух приволья!

– К нашему приходу она и скотинку обрядит, и корову подоит, – продолжает она, вешая вёдра с водой на коромысло*. – Хорошая она, заботливая, грибов вон натаскала, через день по коробу носит – успевай сушить, вся печь заполнена в два этажа противнями. Это пока белые идут, а как пойдёт соленье – грузди, рыжики, волнушки, гладыши – тогда готовь кадки. Видела на повети, что навалено можжевельника, будем выпаривать кадки, ушаты… и солить. Зима долгая, всё приберёт.

Ребята в город берут, родителям посылаем.

– В ягодную-то пору, – продолжает она напевно говорить, – устаём. Ягоды всякой – пропасть. И сушишь, и мочишь, и варенье варишь. Уж тогда на грибы плевать. Чередуй ягоду. Да с пчёлами покоя нет: то роятся, то семьи пересаживаем, то мёд качаем. Некогда присесть, отдохнуть… Лето.

– Всё надо успеть, – соглашаюсь я.

… Нина Алексеевна много лет назад приехала после педучилища. Дали ей школу. Учи. Уж сколько поколений прошло через её сердце. Сколько народу обучила. И сама навечно осталась в нашем дорогом, милом краю. Захватила её жизнь деревенская. Вышла за моего дядю замуж, вырастили они прекрасных детей.

… И словно угадав мои мысли, она продолжила:

– Судьба моя такая: люблю свой дом, всю живность на дворе, люблю школу, ребятишек. Тяжело приходится иной раз, бежишь в четыре утра косить, пока роса, стога метаем, огород сажаем. – И хохотнула, от чего вёдра заколыхались, – ещё моя доля таскать на ухвате ведёрные чугуны из печки. Матвеевна помогает, как отнянчила Леню, тот закончил институт, работает, а она так и осталась няней в нашем доме. Без неё уже невозможно. Да она – член семьи.

… Тётя идёт плавно, горделиво, вода из вёдер не выплёскивается, так как по верху опущены дощатые крестовники. Дядя так придумал. Я иду сзади, оглядываюсь по сторонам – кругом цветы…, а вот ступишь невпопад и сомнёшь незабудку, их по всей тропке – ковёр.

– Ну как, комары не больно кусают? – тихо она спросила. – Мы-то привычные.

– А я их не замечаю, вижу одну природу: поле, лес, цветы. Цветы – их невозможно не заметить. – Вон уже и наше Счастливое, – сказала она. Да, пока видны печные трубы да липы над крышами. Громче заквакали лягушки в ручье, затрещали-запели кузнечики, сильней и гуще завис столб комаров. Небо на закате покрылось ярким розовым цветом. Солнышко ушло отдыхать. И мы тоже после баньки и чая, разомлев, задремлем, забудемся коротким сном… Нет, нет, я долго буду слушать ночную тишину, слушать и запоминать. … А вон и Андрейка мчится на велосипеде встречать, а следом, путаясь в траве, повизгивая, бежит щенок. Хорошо-то как и легко на душе!

СЛОВАРЬ

СТУДЕНЕ́Ц, род. п. – нца́, родник, колодец, укр. студени́ця – родник, блр. студзень, ст.-слав. стоуденьць φρέαρ, πηγή (Остром., Ассем.), болг. студене́ц, сербохорв. студе́нац, словен. studénəc, чеш. studně, слвц. studňa, польск. studnia, в.-луж. studnja, н.-луж. studńa. Связано с предыдущим, т. е. «студеный источник». Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс. М.Р. Фасмер. 1964–1973.

ОТТОМАНКА – мягкий турецкий диван без спинки.

Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – Чудинов А. Н., 1910.

ГОЛБЕЦ – голбца голбца, муж. (обл.). Отгородка в виде клети, чулана, устраиваемая в жилой избе за русской печью. Толковый словарь Ушакова. Д. Н. – Ушаков, 1935–1940 …

УШАТ – а, м Приспособление, представляющее собой лоханку, кадку, небольшого размера с двумя ручками на верхнем срезе, в отверстия которых продевается палка для подъёма, ношения. Бабушка добавила горячей воды в ушат и кликнула внука купаться …

НАВОДОПЕЛО – наводопеть, арх. моск. отсыреть, наволгнуть, разбухнуть, напитаться водою, сыростью. Земля наводопела.

КОРОМЫСЛО – а, мн. – сла, сел, слам, ср. род. 1. Предмет для ношения двух вёдер на плече, толстая изогнутая деревянная планка с крючками или выемками на концах. Поднять к. на плечо. Нести вёдра на коромысле. Снять вёдра с коромысла. 2. Деталь рычажного… Толковый словарь Ожегова.

НЯНЯ

Рассказ

Грузовик прикидывало, бросало на ухабах, на колеях. Отчего мы, попутчики-пассажиры, оказывались из одного угла кузова в другом. Я крепко держала сына. Хорошо ещё шофёр догадался, остановившись в поле, набросать охапок десять сена с клевером. Ароматно пахло цветами, росами, земляникой, полынью…

В кабине с шофёром сидела беременная женщина, мы с сынишкой устроились в кузове напротив кабины, а в самой серёдке кузова – пожилая женщина и два её взрослых брата. Мы ехали в гости к маме – бабушке. А женщина приезжала в город встречать своих дорогих братчиков из Мурманска. Одета она была в белый ситцевый платок, цветастое платье, в мужском тёмном пиджаке и резиновых сапогах. Казалась она старой. Лицо её было сильно загорелое, с красивым правильным профилем, но всё в мелких морщинках. Звали её Няня. А братьев: старшего – Иван, а тот, что помладше – Павел. Они были очень взволнованно-веселы, говорили и говорили наперебой. Спрашивали Няню о доме, о маме, о жизни в деревне. Гладили её плечи и ласково твердили «Няня, Няня», – заглядывая в глаза. Не замечали они не плохой дороги, не качки на ухабах. Сбросили на сено свои дорогие костюмы, закатали рукава рубашек, сняли туфли, усаживаясь теснее к своей старшей сестре. Клонили, ложили свои поседевшие головы Няне на колени, теребили пуговицы её пиджака, гладили руки, плечи, по-детски заглядывали в глаза, как могли, выражали свою вину, что так долго не видели свою Няню, которая в далёком детстве заменяла им мать, все мальчишеские горести и радость несли ей. Мама была занята работой и младшими детьми.

Машина остановилась, шофёр высунулся из кабины, приподнялся на ступеньках, озабоченно спросил:

– «Как все вы тут, не сильно трясёт? Держитесь за решётку переднего борта, да сейчас дорога хорошая пойдёт».

– Няня, не верится, что мы в родном доме и с тобой проведём отпуск, – сказал задумчиво Иван.

– Не верится, что через час-два мы будем дома, – почти шёпотом продолжал Паша, – встретим там нашу маму, самую добрую и красивую. Не верю в этот сон.

Няня непривычно гладила своих дорогих по спине, по голове, как маленьких, трепала раскрасневшие уши и как-то стеснённо отвечала на их вопросы. Непривычно у деревенских проявлять особые ласки, и она отвыкла за восемь-то лет их отсутствия. Им за сорок, а ей за пятьдесят. Всё их раннее детство прошло на её руках. В семье она старшая. Вот и выпала ей доля, быть няней для всех шестерых братишек и сестрёнок. Жизнь-судьба разбросала кого куда. А этих старших – на заработки. Уехали в Мурманск. Один ходил в плаванье, другой служил в Заполярье. Домой в деревню ежемесячно шли переводы – деньги, на содержание семьи. Кто-то из младших в городе учился, кто школу заканчивал. Их, братовых денег, хватало и на заготовку дров, и на сено для скотины. Мама с Няней работали в колхозе. Заработки были трудодни.

Машина выехала в поле, трясти перестало. Сынишка мой заснул на коленях, я его крепко-крепко держала на руках, а сама незаметно наблюдала за братьями и их няней. Как душу греет такое родство.

– Няня, а Пётр твой как? Как Костик? – спросил Паша.

– Петя на ферме со мной работает, а Костя механиком в мастерских. Скоро собирается жениться, – как-то про себя усмехнулась Няня. – Уже и дом для них поставили новый, лесу-то кругом тьма. Мужики живо срубил избу. Девушка его хорошая, вот увидите сами, зоотехником в колхозе.

– Во, племяш, как незаметно вырос, – удивились братья.

– Как незаметно, армию отслужил, вернулся домой и решил, никуда из родных мест не уедет. Мы только этому рады. А как они с Петей всколыхнулись, получив от вас телеграмму! Сразу помчались на реку. Куретами наловили рыбы.

– А какой? – озорно спросил Ваня, поворачиваясь через плечо Няни.

– Да в основном щуки. Немного голавлей. Вчера Петя в лес успел сбегать, принёс ведра два брусники… А малины полно для вас наварили, простываете поди у себя-то на Севере? – с улыбкой тихо говорит Няня.

– Няня, Няня, милая наша сестричка, наши жёны смеются над нами и дразнят, как мы тебя зовём, словно маленькие, – отозвался Паша, уминая под ногами Няни сено, чтоб её ноги не накололо.

– Зовите, я так люблю, словно не прошло уйму времени. Вашим жёнам хорошо было, они сами со своими девочками водились, а я вот посвятила своё детство вам, мои хорошие. А где они-то все девчонки ваши, почему не приехали?

– Обожают море, уехали отдыхать, – С усмешкой хмыкнул Иван.

– Паша, Няня, смотрите, красотище-то какая у нас. Вон поле ржи, как она сейчас красиво колосится. Паша, запоминай – любуйся. Посреди тропка протоптана детскими босыми ногами, как в нашем детстве, а? – Любуется Иван. – Дальше-то, дальше ржаного поля луг заливной и река. Наша река! Сколько я о ней мечтал, находясь в океане в плавании. Там безбрежье, большие, холодные, неприветливые волны. Чужие, -Строго сказал Иван. – Вон, Паш, смотри, стадо пасётся у реки.

– Всё вижу, Ваня, не могу без слёз налюбоваться. Застыли, остановились мои глаза на этом пейзаже. Красивей наших мест нет.

– Да река-то обмелела, как бы одичала без вас, – улыбнулась и погладила плечо Паши Няня, покачнулась и припала к груди брата. – Рыбы в ней полно, весной малые ребятишки ловят решетом. И попадаются хорошие, крупные сорожины*.

– Няня, скажи, а что вдали выстроили: гумно* или овин*? – спросил Паша, приподнимаясь над бортом кузова.

– Это крупнотоварные весы. Въезжает вовнутрь гружённая зерном машина и записывай уже чистый вес. А рядом из жердей и столбов построен загон для телят. Их много, на ферму не гоняют и на ночь оставляют в этом загоне.

– О, я бы даже согласился сторожем тут быть, до того красив пейзаж, – лихо улыбнулся Паша.

– Сторож и он же пастух, тут же рядом живёт. У нас тихо, никто никого не трогает, – строго заключила Няня, – для вас работы хватит и в центральной усадьбе. Если захотите вы, так семьи ваши не захотят сюда приезжать. А что? Подумайте. Построите тут дома себе…

– Захотят, захотят, Няня. Они же на севере ждут нас месяцами домой, а тут… Все будем вместе, – мечтательно произнёс Иван.

– Няня, а мама-то как? Наша певунья? Я так соскучился.

– Вобщем хорошо, только недавно бросила работать, мыслимо ли 55 лет отдала ферме, ноги побаливают, а так ничего. Вчера напекла пирогов, студень сварила, воды в баню натаскала. Ждёт не дождётся своих старшеньких. Поди уже стоит на крыльце, поджидает.

– Няня, а гармонь-то цела моя? – Паша улыбнулся, показывая красивые белые зубы. – Сыграю как прежде.

– Обязательно, – хохотнула Няня. – Сегодня же соберём всю родню, споём и спляшем, резиновики сымем, в туфли нарядимся. Костя, тот играет в клубе на баяне. Зовут его, хоть как устал, никогда не откажется, молодёжь повеселить. Мама-то как вас ждёт, ваши-наши братья и сёстры придут с семьями из других деревень. Все у нас в семье хорошие, работящие, все в люди вышли, полюбовался бы наш отец, … но… погиб, – со слезой прошептала Няня. – Живём хорошо, все работаем, не ссоримся, все выстроили свои дома. Но родительский – бережём, на все праздники съезжаются родные. Не хватает только вас, мои братчики.

А машина едет, едет. Петляет просёлочной дорогой. По краям дороги молодые берёзки.

– Всё! Решаю остаться, – твёрдо заявил Ваня, прихлопнув ладонью в ладонь сестре.

– И я, – подытожил Паша, – такую красоту, такую милую родину не меняют. Семьи свои уговорим.

– Да куда мы, туда и они, – утвердил Иван.

– Няня, а корова-то у вас есть? – полюбопытствовал Паша.

– Не у вас, а у нас. Всё есть и корова, и телушка, и овечки, и куры, и гуси. Помнишь, Ваня, как гусак (четыре года тебе было) налетел на тебя, когда ты его прутом дразнил, так лётом налетел, вцепился в штанишки и за брючину стянул с тебя – смеху было, а ты заплакал и убежал под крыльцо.

– Помню, с тех пор только гусаков и боюсь, как бы штаны не сдёрнули, – хохотнул Иван, – с акулой дрался, а гусака испугался, – с грустью в голосе сказал Иван.

– Они у нас постоянно на реке, даже на ночь, когда жарко, домой не приходят. Спят на лугу, уткнувшись клювом в крыло. А утром ковыляют цепочкой во двор, кормиться, – пояснила Няня.

– Няня, помнишь, мы с Пашей сколотили плот, связали доски старой верёвкой, колом отодвинулись от берега. Мы на середине. Плот разошёлся, мы в воде. Орали, так страшно было, а ты недалеко полоскала бельё, услышав нас, бросилась в реку во всей одежде, – вспомнил Иван.

– Помню, озорничали много, только и ходи рядом, – отозвалась сестра.

– А она тогда нас не отлупила, только пожаловалась маме. И мама запретила реку. Почему, когда нам что-то трудно, ты оказывалась рядом? – грустно прошептал Иван.

– Наш ангел-хранитель Няня, Няня.

Братья прижались своими щеками к её щеке и надолго замолчали.

А машина едет. Впереди небольшой бревенчатый мосток-настил. Без перил, только по краям на скобы посажены брёвна, вроде как ограничение, чтоб случайно не проехать мимо, не кувыркнуться в реку.

– Речка наша извилисто течёт, заросшая ивняком и смородиной, что ветви отражаются в прозрачной чистой воде, даже видно дно. А ранней весной так широко она разливается, затопляя все луга вдоль и вширь на километр. А если где есть ямка, канавка, то в неё таким образом попадает рыба вместе с разлившейся водой. А когда река войдёт в свои берега, то эти крупные лужицы застывают вместе с рыбой. Плещется она в мелководье, тут уже не зевай, лови хоть руками.

Няня замолкает, о чём-то вспоминает.

– Пятистенок* перебрали, заменили брёвна, – как бы продолжает сестра рассказ о доме, о деревне, – печку переложили, расширили на весь зал. Вы ведь так любите на ней понежиться.

– Няня, смотри, Ваня, какой зелёный луг, стожки сена, копны… их много. Ширь необъятная. Красотища! – почти кричит Павел.

А машина едет. Слегка покачивает. Впереди полевые ворота – шофёр затормозил, братья приподнялись, навалились на борт кузова, увидели стайку ребятишек, спешащих на рыбалку, у каждого на плече удочка. Идут ходко, сверкая голыми пятками. Старший (он повыше), в загнутых резиновых сапогах. Обернулись и к воротам, мигом распахнули перед машиной, в деревнях ребята догадливые, услужливые. Машина прошла и остановилась. Ребята вновь ворота затворили, чтоб скот в поле не попал.

– Ребята, подходите ближе, – пригласил Павел, раскрыл сумку и в двух пригоршнях вытащил конфет. – Держи, старшой. На всех. И спасибо за ворота!

– Спасибо Вам! – Хрипло ответил пацан-рыбачок. – Сейчас разделим.

– Да, это наше детство, Няня, помнишь, мы бегали открывать ворота, только тогда телеги были, – грустно сказал Иван и, как бы вспомнив что, закричал ребятам.

– Хлопцы, – крикнул вдогонку, – наш совет, никогда не уезжайте из родных мест, далеко от родного дома!

– Только если в армию, – лихо крикнул самый младший парнишка (малый по росту), лет десяти, развёртывая фантик от конфеты.

Едем дальше. Асфальтовая дорога, а по краям берёзки, в человеческий рост багряно-розовый иван-чай и… глухой, глухой лес. Шофёр поехал медленно, наслаждаясь хорошей дорогой, включил в кабине приёмник, и полилась песня, бередя душу:

«Где эти туманы родной стороны?
И ветки берёз, что над заводью гнутся.
Сюда мы с тобой непременно должны,
Однажды вернуться, однажды вернуться…»

И поехали. Навстречу – ни одной машины, ветер ласково треплет рубашки братьев. Няня сняла платок, вытирает лицо, сбросила пиджак… и стала такой красивой, так похожей на братьев. Андрейка проснулся. Впереди показалось село «Залесье». Высокие добротные дома, церковь, правление колхоза (по вывескам видно). Машина встала около крыльца.

– Всё, ребята, извините, что потряхивало. Приехали. – Улыбнулся, выпрыгивая из машины, шофёр.

А нам ещё до своей деревни идти пять километров.

– О, Андрейка проснулся! – весело крикнул Павел. – Проспал гостинцы. На, получай «опоздавший подарок», – и вынул из сумки большую красивую шоколадку.

– Спасибо, – засмущался сынок. И положил в карман.

Вот и лесная дорога… вернее тропинка. Машины тут не ходят, одна колея от колеса телеги, и та заросла травой. Стал моросить мелкий дождичек. Мы все встали под раскатистую ель, поели домашних «подорожников»: яйца, сыр и лимонад. Переоделись, надев дождевики. Няня раскрыла зонт. На Андрейку я надела новый, присланный из Ленинграда дождевичок, весь в «разрисовках» зверушках. Через плечо, как и было, повесили-перекинули пластмассовый красно-жёлтый автомат детский.

– Нам теперь не страшен не медведь, не волк, у Андрейки вон какое ружо, – улыбнулся Паша, застёгивая дождевик на Няне.

– Смотрите, на дороге-то сколько грибов, – бросился собирать Иван. – Няня, смотри одни белые, да молоденькие, из травы еле видны их коричневые шляпки.

– Мама, куда положить? – вторит сын. – Я вон сколько нашёл, куда, в сумку? Вся дорога усеяна белыми.

– Ваня, Паша, не обращайте внимания, их везде полно – останавливает Няня.

– Да как же так? Класть некуда, – возмутился Павел.

Я достаю из сумки свою сетку-авоську, кладём в неё, а они вываливаются в дырочки, до того молоденькие. Крепкие, ножки белые, сами румяные. Накидали целую сетку. Андрейка шепчет:

– Мама, давай отдадим гостям, легче идти.

– Иван, Павел, берите себе наши грибы, их у нас бабушка много насушила, а вам как раз к встрече родных, нажарите, – сказала я.

– Я уже и забыл, как они растут, – шутливо ответил Иван. – Нет, лучше мы поможем вам нести, я вон целую поляну вижу всю в грибах. Сымаю плащ и беру их. Такой урожай!

Андрейка радостно побежал вперёд, помогая гостям набирать и укладывать в плащ белые. Возгласы. Хохот, не замечают дождя, какой невиданный урожай! Незаметно кончился лес. И никто не устал. Все радостные, возбуждённые.

– Няня, ты не устала? Дай я понесу чемодан.

– Ещё чего? Я привычная, дурашка. Иди, помогай Ване да соседям нашим, – ответила Няня. Впереди на взгорке показались липы, печные трубы. А вот и деревня наша! Ура, мы дома!

СЛОВАРЬ

СОРОЖКА – -Плотва. Рыба сорожка, а иначе и более общеупотребительно плотва, одна из самых популярных рыб на всей территории страны. Она водится практически везде и, пожалуй, обязательно входит в состав любой среднестатистической рыбацкой ухи, ввиду своей массовости и относительной простоты поимки.

ГУМНО, гумна, мн. – гумна, гумён, гумнам, ср. род. Отгороженное место, где в особых постройках складывают сжатый хлеб. || Расчищенная площадка для молотьбы; то же, что ток. Толковый словарь Ушакова. Д. Н. – Ушаков, 1935–1940.

ОВИН, а, муж. род. Строение для сушки снопов перед молотьбой | прил. овинный, ая, ое. Толковый словарь Ожегова. – С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, 1949–1992.

ПЯТИСТЕНОК – пятистенная изба. Крестьянский дом (1) из брёвен или брусьев (1), удлиненный сруб которого разделён поперёк на жилую избу (2) и парадную горницу (1) капитальной стеной, рубившейся одновременно с остальными стенами.

ШОХИНА Светлана

Родилась 7 ноября 1964 года в деревне Алабино. В посёлке Селятино проживает с 1969 года. Закончила Селятинскую школу № 1, затем Московское областное культпросветучилище с красным дипломом, Высшую профсоюзную школу культуры в Ленинграде. Художественный руководитель ДК «Мечта». Стихи и сказки начала писать для своих детей. Теперь пишет для внуков. Печаталась в сборниках «Поэты земли Наро-Фоминской» и Всероссийской газете «Школьник», «Сказание о земле Селятинской», «Дубрава» (выпуск 1), «Посёлок Селятино: известный и неизвестный».

Люблю Селятино, люблю мой край родной!
Здесь каждый дом и уголок мне дорог!
Я птицей бы взлетела над тобой
Полюбоваться на твои просторы.

Сюда стремлюсь я всей своей душой
Пусть век и долог,
и прекрасен будет твой!

БУДУЩЕЕ ЖЕНЬКИ-ГОБЛИНА

Экологическая сказка
для подростков и взрослых.

– Добрый день. Сегодня мы продолжим тему экологии. Давайте поговорим о практическом вкладе каждого из нас в сохранение нашей природы, всей планеты в целом.

Учительница биологии оглядела класс. «Для кого я рассказываю?» – подумала она.

В классе стояла тишина, но никто учительницу не слушал. Одни бегающим взглядом смотрели под парту. «Понятно, эти играют в планшетах». Другие что-то сосредоточенно делали, прячась за спинами впереди сидящих. «Эти, ясное дело, строчили СМСки. Причём, скорее всего, соседке по парте». А кто-то в наглую слушал в наушниках музыку. Только Женька-Гоблин, прозванный так за большую фигуру и вредный характер, со скучающим видом смотрел в окно.

Но при всём равнодушии к уроку уши многих всё-таки улавливали что-то из речи учителя.

– От каждого из нас зависит наше будущее, – продолжала биологичка. – Пришли вы отдохнуть на берег реки, перекусили. Уходя, заберите мусор с собой. Машину надо мыть не на берегу водоёма, а в специальных местах, чтобы дорожная грязь, мазут, бензин не попадали в воду. Даже просто проходя мимо урны, выкиньте фантик от жвачки в неё, а не рядом. Выброшенный полиэтиленовый пакет разлагается 400 лет и больше. А знаете, сколько будет разлагаться в земле выплюнутая вами жвачка? Сто лет!

А если все начнут кидать мусор мимо урны? Через месяц мы и травы вокруг не увидим. А вот если каждый будет следить за порядком дома и на улице, вам самим будет приятно гулять среди зелени. Вдыхать аромат цветов, а не разложения. И любоваться чистыми и благоустроенными уголками нашего посёлка, а не разрисованными вандалами стенами школ и домов.

Женька вскинул голову. Это был камень в его огород. Никто не знал, что он увлёкся граффити и вот уже третий месяц с командой друзей-бомберов, граффитчиков-нелегалов, «украшал» своим «творчеством» подходящие стены. Конечно, он пока ещё тот, любитель, но ему нравилось новое увлечение, и он очень старался. Гоблин пригляделся к училке: «А может, она уже знает и сказала именно про него?»

Но биологичка уже говорила что-то дальше и в его сторону не смотрела. Женька успокоился: «Ха, будет она его ещё учить, что делать. Подумаешь, мимо урны кинул. За что тогда дворники деньги получают? Вот пусть они и убирают. И когда его семья отдыхает на озере, после себя мусор в кучу складывает. А убирают пусть экологи-энтузиасты. А то этим "зелёным" делать нечего будет, если каждый за собой убирать станет. А "зелёные" молодцы. Ещё ни разу не подвели. Сколько раз ни приезжал Женька с родичами на озеро, там всегда чисто. У них есть даже своя полянка. У самой воды. За кустами их не видно, и они с отцом всегда там моют машину. А что, он не подряжался ведро за сто метров таскать. Тем более что они сначала накупаются, а уже перед отъездом машину моют. А кто после них будет купаться в грязной воде – это их проблема.

Но на озеро они редко ездят. Недалеко от посёлка есть родник, где многие воду для питья берут. Вот там они с отцом и приноровились мыть свой новый внедорожник. Кстати, завтра они всей семьёй собрались ехать на рыбалку, отдохнуть. Да и вообще, почему они должны думать про кого-то в будущем. Жизнь сегодня хороша!»

Он поднял руку:

– Лариса Алексеевна, можно вопрос?

– Да, Женя. Тебе что-то не понятно?

– Вы нам столько твердите об экологической катастрофе. Насколько мы видим, небо голубое, лес зелёный, вода в реке чистая. Рыба водится. И даже ловится. Были бы деньги – на платной рыбалке хоть карпа, хоть форель сколько хочешь лови. Вот пройдёт лет сто, может, тогда что-то и случится.

– Жень, ты так и не понял. У нас сейчас очень много от человека зависит. Какие технологии он будет внедрять, сколько и как полезных ископаемых из недр земли добывать. У нас уже сейчас у человечества море проблем. Куда мусор девать? Где ядерные отходы хранить? А сколько рек, а вместе с ними и рыбы, погубили люди, сливая в них вредные отходы производств. Вот вы. Окончите школу, институт. Станете начальниками. И будете решать, что и как делать. В ваших руках будет судьба всей планеты. Какими вы вырастите, такое нас и ждёт будущее.

– Неужели будущее зависит от того, куда я брошу бумажку или где помою машину? – ухмыльнулся Гоблин. Ребята оторвались от планшетов и мобильников и слушали спор.

– А как же. Жаль, что ты не веришь мне. А ведь как сегодня аукнется, так в будущем и откликнется.

– Так это будущее ещё не скоро настанет. И когда ещё откликнется, – Гоблин гордо оглядел класс, чувствуя свою победу в споре.

– Думаю, ты очень оптимистичен. Не такое уж оно и далёкое наше будущее.

Тут прозвенел звонок, и все заторопились покинуть класс. Учительница с сожалением посмотрела вслед Женьке. И было непонятно. То ли она природу жалеет, то ли самого Женьку.

А Женька поспешил домой. На вечер у него были большие планы. Друзья-бомберы рассказали, что соседнюю школу покрасили. И в связи с этим у них появились новые площадки для проявления таланта. Надо было придумать скетчи, рисунки будущих граффити, и закупить аэрозольные баллончики с краской. Со скетчами просто. Их команда была тэггерами, то есть рисовала свои подписи в разных вариантах. А вот с красками – проблема. Продавец уже стал коситься на них, когда они покупали очередную партию. Вобщем, дел было по горло, а к вечеру надо было успеть. Правда, кто-то сказал, что директора школы штрафуют за разукрашенные стены. Ну, так им фиолетово, это её проблема: следи лучше. А они уже подобрали место, недоступное школьным камерам.

Вечерняя вылазка к школе прошла удачно. Никто их не заметил. Тэг Гоблина на вновь покрашенной школьной стене выглядел круто. Немного полюбовавшись на свою работу, ребята разбежались.

Время было ещё не позднее, и Женька с другом, живущим в этом же подъезде, пристроились на лавочке в кустах обсудить свои граффити. Через некоторое время подъехали родители Женьки. Мама, заметившая сына с другом, предложила им по банану и заторопилась домой. Надо было ещё собрать вещи для поездки на озеро.

Быстро съев свой банан и забросив кожуру в кусты, Гоблин попрощался с другом, подхватил сумки из машины и потащил их в подъезд. Подвернувшаяся под ноги кошка получила от Гоблина пинок и с мяуканьем умчалась.

Больше ничего за вечер не произошло, если не считать постоянную перебранку родителей. Женька, немного поиграв в компе, ушёл спать в предвкушении поездки.

Утром отец разбудил его рано. Вещи уже лежали в машине. Осталось только одеться, и можно было ехать.

В такую рань дороги были полупустые, и через пару часов внедорожник домчал их к месту отдыха. Любимая полянка оказалась незанятой, но практически вся была завалена мусором. К знакомой кучке, оставленной их семьёй месяц назад, добавилось ещё как минимум с десяток. Видно, место это облюбовали не только они. Мама, конечно, расстроилась, что кто-то так замусорил полянку, что теперь на ней не отдохнёшь. Могли бы всё в одну кучу кидать, а не по всей поляне разбрасывать. И куда только «зелёные» смотрят.

Разувшись, она зашла в воду, предоставив искать место для пикника мужу. Вода приятно холодила ноги и прямо-таки звала искупаться. Мама прошла чуть глубже и тут же с криком выскочила на берег. Из глубокого пореза на ноге струилась кровь. Отец быстро кинулся к аптечке и стал лихорадочно искать йод и бинты, а мама, постанывая, опустилась на небольшой клочок травы.

А Женька… испугался. Вдруг кто-то из родителей видел, что это он в прошлый раз бросил в воду разбитую банку из-под огурцов. И надо же было именно маме наступить в воде на эту злосчастную банку. Прямо невезение какое-то. И полянку их кто-то так замусорил.

Не успел отец перебинтовать матери ногу, как из-за кустов вырулила иномарка, из которой вышли три мужика:

– Ты смотри, а уголок наш уже занят.

– Да мы вроде первые сюда приехали, – хмуро ответил отец.

– Ха, судя по горам мусора, вы тут далеко не первые. А такая полянка классная была. Мы тут постоянно машины моем. За кустами не видно и людям не мешаем. Как лето наступает, тут все наши автомойку и делают, а такие, как вы, на нашем мазуте отдыхают. Неужели не видели, что тут машинами всё изъезжено и постоянно бензином пахнет.

– А мы тут купаемся и загораем! – вскрикнула мама. – И как вам не стыдно так загрязнять природу. Машины нельзя у воды мыть!

«Круто мы влипли, – подумал Гоблин. – Думали, что мы одни тут машину моем, а оказалось, что мы на автомойке отдыхаем. Ничего себе!» Стало как-то обидно.

А приехавшие мужики продолжали:

– Да тут все знают про полянку, поэтому здесь никто не располагается, только бросают свой мусор. А нам всё равно. Был бы подъезд к воде. Ну, а вы, извините, просто лохи. Внимательней надо быть.

– Ха-ха-ха, – вдруг резко и неприятно засмеялся другой. – Да у них так и написано на машине. Я смотрю, вы крутые, коль сами про себя такое написали.

Женька с отцом обошли машину. Сзади какими-то ненормальными бомберами весьма красочно было намалёвано весьма оскорбительное слово «ЛУЗЕРЫ». Кто-то их обозвал неудачниками, и у Гоблина прямо-таки свело скулы от такой наглости. Уж он найдёт их. Он отомстит. Стоп, а может, это уже ему кто-то отомстил? Ну что за неудачный день. Ой, а может, они и вправду неудачники?

Отец хмуро посмотрел на Гоблина и скомандовал: «Садись в машину, уезжаем. Наотдыхались». Он помог матери разместиться, и они поехали домой.

Всю дорогу все молчали. А когда подъехали к дому, из подъезда вышла женщина в полицейской форме:

– Простите, вы не из 27 квартиры?

– Да, – ответил отец. – А в чём собственно дело?

– Видите ли, Ваш сын Евгений вчера оставил свой автограф на стене соседней школы. Большой такой автограф на свежеокрашенной стене. К счастью, директор установила по периметру

школьной территории видеокамеры, и всё художество Вашего сына и его друзей записано. Его мы ставим на учёт в инспекцию по делам несовершеннолетних, а Вам придётся заплатить весьма солидный штраф и заново вместе с другими родителями покрасить школу, то есть ту часть стены, которую испортили ваши сыновья.

Женька метнулся от тяжёлого отцовского подзатыльника в подъезд. Но какая-то наглая кошка шмыгнула ему под ноги, Гоблин споткнулся, правая его нога куда-то «поехала», и он, подвернув ногу, рухнул на асфальт. Нога так болела, что было понятно – перелом ему обеспечен. Из-под кроссовок выглядывала раздавленная банановая кожура, а склонившаяся над ним женщина-полицейский голосом биологички произнесла: «Не такое уж и далёкое наше будущее, Женя. И зависит оно от тебя, от тебя, от тебя…»

Откуда-то издалека вдруг донёсся голос отца:

– Женя, вставай!

«Как же я встану, – подумал Женька. – Я же ногу сломал».

– Сын, подъём. А то всю рыбалку проспишь, – тормошил его отец.

Женька открыл глаза. Неужели это был всего лишь сон. Ну, надо же, как биологичка его достала. Уже снится ему в кошмарах.

Гоблин потянулся и ухмыльнулся. «Это был просто сон. А в жизни у них всё будет клёво. Полянка чистая, никаких автомоек, полицейских, кошек, банановых шкурок и переломов. Да и откуда этой шкурке взяться на асфальте. Он ведь бросил её в кусты».

Он вскочил, оделся и вместе с родителями вышел на улицу. Первые солнечные лучи освещали верхушки домов и деревьев. Утренний ветерок слегка холодил.

Счастливый Гоблин бодрым шагом пошёл к машине, около которой… в большом недоумении стоял отец, что-то разглядывая на задней двери. Гоблин попятился к подъезду. Вдалеке на пустой улице мелькнула женщина-полицейский, из ближайших кустов выбежала собака с банановой кожурой в пасти. Ей навстречу шла кошка. Собака, бросив на асфальт кожуру, погналась за кошкой…

У Женьки перед глазами сразу промелькнул весь сон, который начинал сбываться прямо сейчас. Лоб покрылся испариной. Женька метнулся к шкурке банана и со вздохом облегчения опустил её в урну.

В этот момент отец, что-то потрогав пальцем на задней двери машины и удовлетворённо хмыкнув, пошёл садиться в машину, а женщина-полицейский свернула куда-то за дом.

Будущее неумолимо наступало. И оно очень, очень зависело от него, Женьки-Гоблина.

ВКУСНЫЙ ДОМИК

Посадила как-то бабушка Маша семечко тыквы. Да не простой тыковки, а тыковки-озорницы. Проклюнулось семечко из земли. Появился один листочек, другой. Зазеленел росточек, ухватился усиком за забор и потянулся вверх. А потом набрался сил и зацвёл большими жёлтыми цветами-звёздами. Прошло несколько дней. И вместо цветов появились малюсенькие тыквочки.

Пришла бабушка Маша тыковки поливать. Глядит, а это и не тыковки, а грибочки. Один, другой, третий. Ой, а вон и четвёртый солнышку бочок подставляет. Вот так тыковка-озорница. Все тыковки как тыковки: круглые да рыжие. А эта грибочком растёт: сама белая, а шапочка рыже-красная. Вот такая озорная тыковка – красная шапочка.

Висят тыковки-грибочки, зреют и между собой спорят:

– Я самая старшая и самая большая.

– А я самая красивая, у меня шапочка рыжее ваших.

– А я выше вас всех нахожусь. И ближе к солнышку, и ближе к дождичку и дальше всех вижу. Как красиво кругом…

А четвёртая промолчала. Она спала под листиком.

Однажды скучно стало тыковкам-грибочкам. Запела песенку самая большая тыковка:

Целый день я загораю.
Вес тихонько набираю.
Спать под листиком ложусь.
Красной шапочкой зовусь.

Услышала песенку мышка-полёвка. Посмотрела на тыковку – какой хороший домик. Только ни окон, ни дверей. Да не беда. Прогрызла тыковку и поселилась в ней. Вон уже и мышатки попискивают в домике.

Загордилась тыковка, что она теперь не просто тыковка-грибок, а ещё и домик. А вторая отставать не хочет. Тоже решила песенку спеть:

Я такая озорница.
Повертеться мастерица.
Я сама вся белая,
А шапка – загорелая.

Услышала эту песенку пролетавшая мимо птичка. Пригляделась. Ой, какой домик может получиться. Выдолбила клювиком тыквочку и стала жить в ней. А вскоре и птенчики там зачирикали.

Посмотрела на всё это сверху третья тыковка и решила, что она не хуже сестёр и тоже может песенки петь. Но не успела она запеть, как к птичке прилетела подружка. Повертела головкой: «Я тоже красивый домик хочу». И стала третью тыковку клювиком долбить. А потом оглядела готовое жилище и улетела половить комаров да мошек. Вернулась, а из тыквы-домика смотрят на неё много глаз и… жужжат. Оказывается, пока птичка улетала, заняли домик пчёлы. Понравился он им, вот и не пустили птичку домой. Возмущённо почирикала птичка и улетела другое жильё себе искать. А пчёлки остались в тыковке жить. Стали нектар с цветов собирать да сладкий медок из него делать.

А последняя тыковка ничего петь не стала. Она только подумала: «Я и самая большая, и самая красивая, и самая вкусная. Только мне говорить лень. Я лучше ещё на солнышке позагораю».

Стали жить-поживать в красивых грибочках-домиках мышки, птички и пчёлки.

Пришла бабушка Маша посмотреть, как там тыковки-грибочки растут. Глядит, а три грибочка уже заняты. Домиками стали. Только четвёртая тыковка подросла да зарумянилась на солнышке.

Повздыхала бабушка Маша. Да делать нечего. Срезала она последнюю тыкву-грибок и отнесла домой. А там стала четвёртая тыковка-грибок домиком для начинки из овощей и мяса. Запекла бабушка Маша тыковку с начинкой в печке и угостила вкусным домиком любимую правнучку Алёнку.

Приятного аппетита!

НЕ ЖЕНСКОЕ ДЕЛО
Сказка

Когда-то давно росла в одной из деревушек Верейского княжества девчушка. Маленькая, шустрая. Сама светленькая, волосы русые, а глаза необычные, нежно-сиреневого цвета. Так уж получилось, что отец её погиб на засечной черте в сражении с басурманами, а мать пропала. В народе поговаривали, что она была хранительницей «Алатырь-камня». Что это за камень, никто не помнил, но говорили, что он волшебный и если его найти, то исполнит любое желание. А старики рассказывали, что этот камень зарыт под Верейским Кремлём, и пока он там находится, никто Верею захватить не сможет, никакой враг. Вот и в тот раз враг окрестные деревни пожёг, а саму Верею так и не взял. В тот день, когда пропала мать девочки, успели спрятаться только старенькая бабушка с маленькими внучатами.

Вот так и остались они без отца-матери. Добрые люди по-соседски помогли первый год пережить. А там мальчишки, как-то сразу повзрослевшие, стали бабушке по хозяйству помогать. Так и жили: бабушка, да трое внучат, да внучка любимая.

Ребята днём по дому и в огороде бабушке помогают, а вечером возьмут ратовища – длинные шесты, из которых копья делают, да тренируются. Потом на мечах упражняться стали. Мужики соседские, проходя, подсказывали им, что да как надо делать. Так и подрастали юные ратовники – так в старину воинов-защитников называли.

А девчушка в сторонке сидела да внимательно за братьями наблюдала. Горело детское сердечко обидой за отца и мать. Отомстить хотела за них. Да сражаться – не женское дело. Вот и тренировалась потихоньку. То палочкой махала, всё повторяя за братьями. Потом нашла меч сломанный, с ним стала тренироваться. Только бабушка это и примечала. Поначалу улыбалась, когда пятилетняя внучка веткой размахивала да на пугало наскакивала. А когда девчушка с мечом стала баловать, только вздыхала да приговаривала: «Ратовка (то есть защитница) ты моя, сиротинушка. Что с нами будет? Не дай бог татарва опять придёт. Сгинем все, матери-то твоей нет…»

Прошли годы, братья возмужали. На мечах да на кулачках с соседскими парнями знатно бились. Друг за друга горой стояли. На деревне и в округе их уважали.

А девушка выросла красавицей. Взглянет своими сиреневыми глазами, у парней сердце замирает. Некоторые уж и сватов засылать собрались. Да побаивались отказа. Строга она с ребятами была. Вольностей никому не позволяла. Да и братья стерегли её пуще глаза. Не дай бог кто обидит словом или делом.

Любила она на берегу озера сидеть. Рядом с деревушкой небольшая речушка протекала. Мужики много лет назад плотину соорудили. Вот озеро и получилось. Красивое. К самой воде деревья подступают. Ивы косы свои в воде полощут. Рыба разная в воде плещется, круги по воде пускает. Ещё маленькой прибегала девчушка сюда. Сядет у воды и любуется на озеро. Погрызёт горбушечку хлеба, бросит крошки в воду – рыбы приплывают. Птицы прилетят – щебечут. Волна о берег бьётся, будто разговаривает. Прибежит девочка в слезах – волна лёгким плеском как будто утешает. С радостной вестью придёт девушка – и вода веселей плещется. А кому ещё на жизнь пожалуешься? Бабушке самой тяжело с детьми-то маленькими было. Сколько лет нужду терпели, пока братья подросли. Вот так и разговаривала девчушка с озером, какбудто с матерью делилась радостью-печалью.

После плотины речушка полноводным ручьём бежала и пропадала в зарослях глубокого ущелья. Да так и струилась дальше среди отвесных берегов несколько вёрст почти до Вереи. А там в реку Протву впадала. Протва-то в те времена судоходной была. Купцы по ней много товара переплавляли. А Верею «западными воротами» Московского княжества называли. Вот враги земли русской и стремились через Верею на Москву прорваться.

Верея тогда входила в «девятиуголье» Большой засечной черты. Так назывались мощные защитные сооружения, неодолимой стеной протянувшиеся от Дмитрова да Троице-Сергиева монастыря через Волоколамск, Звенигород, Рузу, Можайск, Верею, Боровский монастырь, Серпухов до Коломны.

Бывало, прискачет из Боровска гонец со страшной вестью: «Враги идут!». Собирается верейское ополчение и идёт на помощь Боровску. Когда сдерживали натиск, а бывало и прорывались враги на Верею. Кремль верейский на высоком холме располагался и был обнесён и защитным валом, и высокой стеной-частоколом из брёвен. И там уже оборону держали. А шли басурмане целой ордой. Тьмой-тьмущей, как раньше говорили. Злились сильно басурмане-татары на Верею. Уж больно хорошо она защищала дорогу на Москву. Много врагов в разные годы там смерть нашли.

И решили басурмане в очередной свой набег на землю русскую взять Верею хитростью. Послали они по главной дороге небольшое войско. А основные силы отправили подобраться к Верее с другой стороны по ущелью вдоль небольшой речки.

Прискакал в Верею гонец с вестью, что опять татары недоброе дело затеяли – идут к Москве. Собрались ратовники земли Верейской и во главе с князем выдвинулись навстречу басурманам к Боровску, на помощь его защитникам. Татары по большой дороге идут, не торопятся, а основные их силы вдоль безымянной речушки поспешают. Вышли они к озеру. В воде рыба плещется. На другом берегу крыши небольшой деревеньки видать. Затаились враги, нет ли поблизости засады. Но кругом птицы поют, значит, людей впереди нет. Медленно потекло вдоль озера войско татарское. Стараясь не греметь ничем, чтоб никто их не заметил. Вот уж и озеро позади. Первые отряды уже по ущелью идут, а последние озеро проходят. Осталось в ущелье засеку из стволов деревьев разобрать, и вот она – Верея. И никто их не ждёт с этой стороны. Можно нападать.

Да заметила вражье войско девушка, сидевшая на другом берегу. Увидела она ратников и глазам своим не поверила. Одеты не по-русски. Да и ведут себя странно. Таятся, пробираются, как тать в ночи. Догадалась она, что это враги идут на Верею. А защитников-то там и нет. Войско княжье ушло в сторону Боровска. Это брат ей ещё утром рассказал, вернувшись с торжища.

Незаметно отползла девушка от воды да кустами метнулась к братьям, которые недалеко на поляне сено на зиму заготовляли. Стрелой прилетела девушка к братьям. На одном дыхании выложила им новость страшную. Бросились парни домой за мечами-щитами. Пока парни прибежали с мечами, врагов уж и не видать. Басурманское войско озеро обошло и всё скрылось в ущелье.

Переглянулись парни. В набат бить поздно. Даже если услышат набат в Верее, подумают пожар. Поскачут по дороге. А в это время враг по ущелью к самой Верее подойдёт. Сурово посмотрел на младших старший брат: «Отец наш голову сложил в битве с врагом. Мать пропала. Видать, наш черёд пришёл землю защищать. Мало нас. Но и мы много можем сделать. Пока догонять басурман будем, звените и гремите погромче. Пусть думают, что их наше войско нагоняет. Нападём сзади, а там постарайтесь побольше врагов уничтожить. Чтоб меньше их нашу землю русскую топтало да русских людей обижало. А ты, – оглянулся он на сестру, – не поминай нас лихом. Хоть и храбрая ты, но не женское это дело – с басурманами на мечах сражаться. Остаёшься в семье за хозяйку. Бабушка-то ведь совсем плохая. Защищай её от невзгод, ратовка ты наша». Обнял он сестру. «Ну, нечего время терять, двинулись». И скрылись братья в ущелье.

Взобралась девушка на плотину повыше и через несколько минут услышала звон мечей. Это братья догнали последний вражеский отряд и затеяли битву. Всех врагов уничтожили, хоть и сами чуть живы остались, много ран получили. Но пока с отрядом сражались, основное войско засеку разобрало и вперёд ушло. А сил догонять и биться уже не осталось. Но скрестили братья мечи в молчаливой клятве и пошли нагонять басурман проклятых.

А девушка слышала сначала лязг мечей и резкие вскрики врагов, потом прислушалась к тишине и, наконец, расслышав звук скрестившихся мечей, всё поняла: братья уничтожили часть врагов и остались живы. Но сил-то у них после битвы поубавилось. Горькие слёзы навернулись ей на глаза. Врагов тысячи, а братьев всего трое. Ясно ей стало, что братья ушли на верную смерть. И охватила её гордость за них. Что, зная о неминуемой гибели, братья ни минуты не колебались, а ушли навстречу смерти за землю родную.

Но помощи ждать больше неоткуда. В городе остались защитники, да немного их, в основном только женщины, дети да старики немощные. И враги никого не пожалеют. Немощных убьют, а остальных в полон угонят.

Повернулась она лицом к озеру и взмолилась: «Силы небесные и земные! Помогите нам отстоять нашу землю, где мы мирно живём, пашем да детей растим. Не оставьте без защиты!» Протянула она руки к озеру и из самого сердца вырвались слова: «Возьмите мою жизнь, но спасите землю мою, братьев и дом наш от врага. Помогите!!!»

И как будто всколыхнулось что-то в озере. Поднялась волна огромная и всей своей мощью пошла стеной через плотину в ущелье.

А братья почти догнали ушедших вперёд басурман, когда сзади услышали страшный гул. Оглянулись, а на них по ущелью несётся вал воды. И вдруг прямо перед ними вся вода пропала, как будто в землю ушла, а через несколько секунд у них за спиной мощным гейзером из земли вырвалась и вновь валом вперёд понеслась. И смыла всё войско вражье. Прокатилась до самой Протвы, прошумела по ней, а за Вереёй опала.

Поражённые братья добежали до дороги на Верею, которая пересекает ущелье у самого города. И попалось им на пути только несколько щитов тяжёлых.

Так сгинуло войско басурман. Вернулись братья домой, да вот сестру нигде найти не смогли. Пришли на берег озера, а воды в нём нет. Только рыба в небольших бочажках плещется.

Никто с тех пор девушки не видел. Но стали люди находить в речке странный, прежде не виданный сиреневый камень. А однажды услышали братья, как кто-то из местных жителей, рассказывая о странном спасении города, назвал речку, защитившую их от врагов, Ратовкой, защитницей. И ахнули. Вспомнили они, кого так называли, и догадались, откуда появился странный сиреневый камень цветом, как глаза их любимой сестры. Поняли братья, кто ценой своей жизни спас от врагов Верею и всю землю русскую! Видать, и вправду мать их была не обычной женщиной, и сила её передалась дочери, раз смогла та одним своим словом город защитить.

Много времени утекло с тех пор, а речку так и зовут Ратовкой. Верейцы рассказывают, что рыбы в ней всегда много водилось.

А камень сиреневый и сегодня можно ещё найти в речке да в ущелье. Кстати, называется он – ратовкит. Камень-защитник.

СЛОВАРЬ

БАСУРМАНЕ, татарва, татары – враги, приходящие издалека и часто нападавшие на Русь.

РАТОВНИКИ – защитники. От слова «ратовать» – сражаться, воевать, выступать в роли защитника, подавать помощь в беде, спасать.

БАЛОВАТЬ – (здесь) заниматься без спроса.

БЕРЕГЛИ пуще глаза – хорошо оберегали.

НУЖДУ терпеть – жить очень бедно.

ВЕРЕЯ – названием города является славянское слово, означающее «столбы, на которые навешиваются полотенца ворот», «косяк, столб у двери и у ворот».

ОРДА, тьма-тьмущая – много тысяч человек.

ЗАСЕКА – оборонительное сооружение из больших деревьев, поваленных рядами или крест-накрест вершинами в сторону противника. Ветви деревьев засекались в острые колы.

ТАТЬ – вор.

ТОРЖИЩЕ – рынок.

БИТЬ в набат – звоном колокола в случае пожара или другого бедствия сзывать на помощь.

НЕ ПОМИНАЙ лихом – не вспоминай о нас плохо.

ГЕЙЗЕР – очень мощный фонтан.

СГИНУЛО – исчезло.

БОЧАЖКИ – ямки с водой.

НЕБЛАГОДАРНЫЙ КОТ

Сказка

Повадился один кот взбираться на невысокую ветку осинки и дремать там в тени листвы. Кот был пушистый и важный. Он медленно вспрыгивал на осинку, устраивался на удобной ветке и засыпал.

Всё лето его можно было увидеть на дереве. Солнышко печёт, а ему в тенёчке не жарко. Небольшой дождик пойдёт, листочков над ним много, капли на него и не попадают. Тепло, сухо и уютно коту.

Но наступила осень. Постепенно облетели листья с деревьев. Залез как-то кот на осинку. И холодно ему, и солнце прямо в глаза светит, и неудобно что-то. И так ляжет кот, и по-другому пристроится. Никак не найдёт удобной позы. Вертится на ветке и бормочет:

– Неудобная какая осинка. Ни тебе тенёчка, ни сухости, мокро, ветрено…

Осинка слушала, слушала ворчание кота, не утерпела и говорит:

– Как же ты не понимаешь. Не могу я весь год в листьях стоять. Так уж заведено. Скоро зима. А если на мне листья останутся и сверху на каждый листик снега насыплет, не выдержать мне такой тяжести, сломаюсь я и погибну. Как и любое дерево. А сейчас на голые веточки снег ляжет. Мне не тяжело, а тепло будет. А весной новые листочки появятся.

Выслушал кот осинку и продолжает ворчать:

– То ты одетая, в листьях. То вдруг все листья растеряла. Вот я, например, видишь, какая у меня шёрстка? Весь год пушистая, ухоженная, блестящая. Смотри, такой я красавец. Не то, что ты.

Нахмурилась осинка и отвечает коту:

– Ты в одной шубе весь год ходишь. А у меня нарядов много. То я в снежную шубку укутаюсь, то инеем засеребрюсь. Весной молодые листочки проклюнутся, я в лёгкой зелёной дымке вся. Летом на мне резные листочки на ветру трепещут-шуршат. А осень наступит, я сначала жёлтый наряд примерю, а потом в красный наряжусь. Все мною любуются. А в ноябре листочки облетят, и я стою вся в красивых длинных серёжках. А уж зима придёт, опять белую пушистую шубку примерю. Вон сколько у меня нарядов.

Удивился кот. Он ведь всё лето проспал и красоту осинкину и не разглядел. Вот и ворчит дальше:

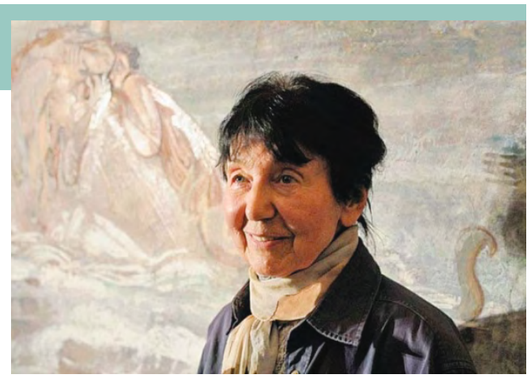
– Не знаю, какая ты круглый год нарядная, а сейчас ты голая, мокрая и бесполезная. Как ни заберусь на ветку, то дождём намочит, то ветром продует. Заболею ещё. Вот ты какая вредная для меня.

Обиделась тут осинка:

– Я тебя летом от жаркого солнышка в тенёчке прятала. Когда дождик шёл, я листочков над тобой побольше собирала, чтоб на тебя не капало. А теперь я бесполезная да вредная стала? Уходи прочь, неблагодарный кот.

Тряхнула осинка веткой и скинула кота. Упал кот, да в самую лужу. Промок насквозь. Шубка вся обвисла от воды. А ветер холодный дует. Выскочил кот из лужи и пошёл прочь от осинки, весь продрогший да облезлый.

АКРИТАС Альбина



Родилась в Москве (1934). Выпускница Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, Академии художеств СССР. Народный художник РСФСР и России, действительный член и член президиума Российской академии художеств, действительный член Международной академии культуры и искусства, обладатель многочисленных творческих премий и наград. Живописные и графические работы Альбины Акритас приобретены многими галереями, музеями (в их числе – знаменитая «Третьяковка», Пушкинский музей в Москве и Русский музей в Санкт-Петербурге) и частными коллекционерами мира. Член Союза писателей России (1997), автор нескольких поэтических сборников: «Стихи» (1995), «Калейдоскоп» (1999) и «Агат» (2009),»Стихотворения и поэмы» (2011), «Дубрава» (2012), «Эгле» (2013).

Игроки. 2008 г.
(Изображены А. Ахматова, А. Пушкин и Ф. Раневская)

***

«Кто бы мог мне поверить,
но самое реальное для меня – это то,
что я воплощаю в своей живописи».
Эжен Делакруа

Реально только гениальное – всё-всё
Талантом созданное, остальное – тлен!
Реален мир Дега, Рублёва, Пикассо,
Реальны песни Одиссеевых сирен…
В них нету времени, в них нету перемен.

Реален Моцарт и бессмертен Дон Жуан,
Он существует, а козла-соседа нету…
И неба нету! Голубеющий экран,
Накрывший нашу нереальную планету –

Всего лишь миф! Нет, я нисколько не шучу!
Всё матерьяльное так скоро истлевает,
Минута, год, века – неважно, время тает,
Водой в песок без остановки убегает,

К нему привязывать эмоций не хочу.
Так нестабильно… Лишь привяжешься –
с приветом!
Его уж нету… ничего-то рядом нету.

Вчера друзья, да что вчера – назад минуту…
Полслова, взгляд и, как отведало цикуту,
Погибло дружество! Взамен родился холод,
Вчера младенец, посмотри, уже немолод,
Уже старик… А радость, счастье –
тут уж право,

И говорить смешно – секундная забава.
Но вечны Моцарты!
Ни углублять идею,
Ни растолковывать не буду, не умею.
Умом конечным бесконечность не понять.
И продвигаться в эту сторону не буду;

Уйду в искусство, словно вылечу простуду,
Одно искусство несомненно для меня!
Уйду в него, словно машина на парковку,
Прерву контакты с иллюзорною дорогой,
В стабильность вырулю –
ведь нужно так немного:
Послушать Моцарта иль посмотреть
Ван Гога,
Иль просто-напросто поехать в Третьяковку.

27 января 1999 г.

***

Давайте, давайте сорвёмся с цепи!
Пусть станет нам ложь незнакомой.
Пускай, погибая, визжит и вопит
О казни своей незаконной!

Нужна, мол, для благополучия детей,
Спокойствия и процветанья,
Для реализации важных затей,
Для жизненных благов хватанья!

Пошлём, наплюём! Перестанем ронять
Себя недостойным притворством,
Кадить дуракам, подлецов восхвалять –
Шокируем мир непокорством!

Давайте сорвёмся – была не была!
Давайте поищем другого
Душе состоянья! А вдруг ей мила
Покажется жизни обнова?!

А вдруг она этого только и ждёт,
Чтоб сделаться очень счастливой?!
Ей так надоело среди нечистот,
Так хочется альтернативы!

Порядочность, честность – какие слова,
Какие за ними понятья!
Сорвёмся с цепи! А коль я не права,
Задумавши мероприятье,

Вы все отойдите – пускай я одна
Сорвусь и пожну результаты!
Вы скажете: «Да, на головку больна…»
И будете правы, ребята!

***

Ты нашу Землю закрутил,
Ты запустил планет систему?
Ты всю растительную схему
На коже шарика взрастил?

Ты, человек, создал моря,
Рыб поселил, птиц в небо бросил,
Придумал зиму, лето, осень?
Не ты! Ведь честно говоря,

Не ты насоздавал зверьё:
Лисиц, волков и обезьянов,
Лягушек… Не сыскать изъянов
В издельях! Только не твоё,

Нет, не твоё, собрат двуногий,
Творенье – месяц в небесах,
Вулкан, тайфун, цунами страх
И неба тайные чертоги!

Ну так чего ж ты возникаешь?
Своим чужое объявляешь,
Присваиваешь, ковыряешь,
Взрываешь, губишь, отравляешь,
Уничтожаешь всё и всех,
Братишек младших пожираешь
И хамства празднуешь успех?!

Бессмысленно и неуместно
Твоё постыдное житьё!
Жестоко, подло и нечестно…
Ведь даже чудное зверьё,
Тебя завидя, удирает.

Смотри, их нету в городах –
Бетон, железо процветают,
Асфальт земле дышать мешает,
Машины воздух отравляют…
Живём, как на похоронах

Своих! Ах, нам бы поскорей
Отсюда смыться! Ведь обидно –
Земля Людей, Земля Людей –
Орём, вопим мильоны дней…
А кто сказал, что мы главней
Всех остальных? Ошибся, видно…

Так что давай, летим отсюда…
Безбрежен Космос… Там найдём
Ещё планету – тоже чудо,
Когда ж и эту доведём
До ручки… Что ж – ещё поищем,
У поисков не будет днища.

И будем до тех пор мотаться,
Пока Миры не возмутятся,
Деянья наши подытожат
И нашу банду уничтожат.

17 февраля 2013 г.

Вера, Надежда, Любовь. 2007 г.

* * *

В электричку села я
И, представьте, еду,
Одержав среди зверья
Крупную победу.

Не готовая к борьбе,
Победила с маху.
Вопреки своей судьбе,
Не пойду на плаху!

Не подставлю под топор
Голову седую,
Не читайте приговор,
Я опротестую.

Еду-еду, за окном
Беспросветна тьмища.
Ночь морозная кругом,
Серы волки рыщут.

Светят зеленью глаза,
Светят, словно пламя,
Выходить пока нельзя –
Вот они с клыками!

Только что же их клыки?
Так себе, игрушки.
Волки, ночи маяки,
Тёплые зверушки!

По сравненью с тем зверьём,
Что со мною билось,
Вы, родные, за окном,
Просто Божья милость.

* * *

Мы шли по улице вдвоём,
И я, и дождь по тротуару.
Свернули вправо за мостом
И вышли к старому базару.

Я зонт купила наконец,
С дождём цветастую разлуку,
Его раскрыла, взявши в руку,
И сразу дождь в него застукал,
Как недокормленный птенец.
Моим коварством разобижен,
Просился вновь ко мне поближе,
Под зонт старался забежать.
Но я сказала, что не вижу
Причин знакомство продолжать.

И в дом вошла, а он остался
Средь мокрых веток за стеной
И выступал, и возмущался,
В стекло холодное стучался,
Базарил яростно со мной!

Нет, нет, мы не поговорили,
Его я не пустила в дом,
И долго-долго слышны были
Его упрёки за окном.

Потом ушёл за горизонт.
Я платье мокрое сменила,
Поставила сушиться зонт,
На кухне форточку открыла,

В кофейник воду налила…
И вдруг мне очень грустно стало –
За что разлукой наказала,
Зачем я дождик прогнала?

Дождь. 1985 г.

Какие говорил он речи,
Как преданно сопровождал,
Как нежно обнимал за плечи…
Наверно, вправду обожал.

Ведь для меня сбежал из тучи,
От матери, по существу,
У ног ложился на траву…
Нет, я решила – стану лучше,
Обратно дождик позову.

Открою окна, дверь открою,
С ним ласково заговорю,
Пускай останется со мною!
А зонт соседке подарю!

22 марта 1994 г.

* * *

Жизни олицетворенье
Где-то в лучшем измеренье,
Восседал мой Бог-Отец,
Мой создатель, мой Творец.
Соратниками окружён,
С Землёю разбирался он.

Стоящий слева Гавриил
Мою проблему осветил:
«К Вам дама просится, папа,
Добра и вроде неглупа,

Ну каждодневно достаёт…»
Творец сказал: «Пускай придёт,
Но всё ж пока не насовсем,
Из матерьяльных из систем

Взять раньше срока не могу.
И чтоб подружкам ни гу-гу!
А то ведь каждая в надежде
Сократить тюремный срок,
Ко мне припрётся на порог…»
Окончанья фразы прежде
Ангел взмыл! Ему приятно
Было весть мне принести.
Приглашение в горсти
Я зажала! И обратный,
Делать нечего, билет –
Мол, мне пока гражданства нет.

Ну что же, и на том спасибо!
Я буду рада посетить
Предел, где после стану жить,
Увидеть, что не либо-либо,

Пророчицы. 2014 г.

А что одно, всего одно
Мне местожительство сияет,
Что комфортабельно оно,
И в нём блаженство ожидает.

Всё так и вышло: Гавриил
Мне кущи Рая предъявил,
Творец минутку уделил,
Поцеловал, благословил…

И вновь на Землю я упала,
В объятья суперкриминала.

Но… возвратившись в узы тела,
Сама себя не узнаю –
Среди крутого беспредела
Без повода смеюсь, пою!

Забот практически не знаю,
От огорчений далека…
Вояж чудесный вспоминаю
И милого проводника.

15 ноября 2003 г.

АЛЕКСАНДРОВА Юлия

Родилась 2 сентября 1987 года в городе Наро-Фоминске.

В 2004 году окончила Наро-Фоминскую среднюю школу № 5.

После окончания школы поступила в Колледж связи Московского технического университета связи и информатики (КТ МТУСИ):

факультет – «Радиосвязь , радиовещание и телевидение», специальность – «Техник».

С апреля 2016 года работает в Западном отделении ПАО «Мосэнергосбыт».

Проживает в Наро-Фоминске.

Моему деду

Мой дед, погибший на войне,
Не сохранилось даже фото.
Теперь я знаю о тебе –
В душе перевернулось что-то.

Ты под Смоленском в медсанбате
Погиб от ран в сорок втором.
Успев стать командиром танка,
Не стал ни мужем, ни отцом.

И вот, спустя десятилетья,
Твоя душа покой нашла.
Медаль «Шагнувшие в бессмертье»
Родным на память вручена.

Спасибо вам, отцы и деды,
Живым и павшим в той войне,
За тот Великий День Победы,
Мир подаривший всей земле!

6 июня 2017 г.

6 мая 2017 года в селе Веселёвском Тёмкинского района Смоленской области прошла церемония перезахоронения останков бойцов Красной Армии, умерших в августе 1942 года в 292-м мсб. В числе 114 бойцов был и мой двоюродный дедушка Лямичев Иван Иванович, ушедший на фронт из деревни Алабино.

Я останусь в этой осени

Я останусь в этой осени,
Там в начале сентября,
Там, где листья с жёлтой проседью
Спрячут от тоски меня.

Постучусь я в небо синее,
Позову любимый дождь,
И скажу ему: «Спаси меня,
Знаю я, ты всё поймёшь.»

Дотянусь до звёзд мерцающих,
Дотянусь хотя бы раз,
Тайну вечности скрывающих
От моих печальных глаз.

Мне стать всегда хотелось облаком,
Уплывающим в закат,
Но только ноги мои волоком
По земле идти велят.

Оттого полёты дальние
Часто вижу я во сне,
Но ошибки не случайные
Крепко держат на земле.

Но путь земной – бремя не лёгкое,
И как живым его пройти,
Чтоб душой новорождённого
Верилось в свои мечты.

Но нет ответов окрыляющих
На все вопросы впереди,
Лишь ангелов, вмиг ускользающих,
Я вижу на своём пути.

И как дорога жизни сложится,
Нельзя узнать, пока идёшь,
И что в конце в ней приумножится –
Любовь и вера или ложь…

Зимняя ночь

Сегодня не будет слов,
А только музыка неба
Прольётся симфонией звёзд
И ляжет скатертью белого снега.

Земля, обнажённая днём,
Оденется ночью в сказку,
И ангел, взмахнув крылом,
Разбросит волшебные лёгкие краски.

Так в ночь открывая дверь,
Зима свою шаль набросит.
Сегодня не нужно слов,
Слова – это дождь, это тропы в осень.

Два неотправленных письма

Два неотправленных письма
Они, как исповедь хранили…
Он написал ей, что любил,
Она ему, что не забыла.

Их не отправят никогда.
Они писали их, как память.
Они останутся в столах,
Ведь ничего уж не исправить.

Два неотправленных письма,
Как не случившаяся встреча…
Он не пришёл, она не шла…
Два неотправленных письма,
И так наверно будет легче…

Небеса

Смотрите, люди, в небеса,
Храните красоту природы.
Она нам Господом дана
На все века, а не на годы!

Любите, люди, небеса,
Благодарите их за вечность.
Ведь жизнь подарена одна,
Но путь её, как бесконечность!

Любите дождь, любите снег,
Всё благодарно принимайте.
Храните, люди, небеса
И злом своим не разрушайте!

Позволь...

Позволь оказаться среди твоих снов,
Увидеть, как ночь твои гладит ресницы,
Услышать дыханье, какое оно…
Позволь мне тебе однажды присниться.

Позволь стать одною из капель воды,
Чтобы бежать мне сквозь твои пальцы.
Позволь незнакомкой навстречу идти
И просто так тебе улыбаться.

Позволь быть землёй у тебя под ногами,
Так, чтобы тень мне твою отражать.
Позволь мне остаться воспоминаньем,
Которое ты не захочешь прогнать.

Принадлежу тебе

Уже не стать твоей невестой
И снова ангелом не быть.
Как жаль, что больше мы не вместе,
Но продолжаю я любить.

Всё то, что связано с тобою,
Оно бессмертно для меня.
Ты навсегда мне стал судьбою,
Пусть даже рядом нет тебя.

Я помню все твои объятья
И нежных поцелуев страсть.
И, как никто, умею ждать я,
И ты НЕ СМОЖЕШЬ опоздать.

Так часто жизнь необъяснима,
В ней всё предугадать нельзя.
Она тебя мне подарила,
Ты научил летать меня.

Я знаю, так уже не будет,
Чтоб ты и я, рука в руке,
Но сердце помнит, ждёт и любит.
Я ВСЯ принадлежу тебе.

ВАСИЛЬЕВ Владимир

Родился 29 декабря 1927 года в Алтайском крае. В 14 лет уже работал бондарем, а в 16 лет ушёл в армию. Служил в Западно-Сибирском военном округе в 104-м запасном полку. После расформирования полка в 1945 году служил в батальоне связи в Эстонии. Закончил службу в 1951 году.

Переехал на постоянное место жительства в деревню Софьино. Здесь же закончил вечернюю школу. Много лет работал в Московском метро.

Печатался в газете «Основа». Умер 21 января 2012 года.

Чтоб жизнью своей гордиться мог

Я родился под небом
В чудесном Краю,
И по запаху хлеба
Свой край узнаю.
Узнаю по цветенью
Просторы полей,
И как пахнет сиренью
Всё в отчизне моей,
Где красавица-птица
Звонко песни поёт,
Где и ночью не спится,
Если милая ждёт,
Если ночь голубая,
Если светит луна,
То Отчизна родная
Мне как воздух нужна.
И лесные просторы,
Золотой их пейзаж
И речные узоры,
Этой жизни багаж.
Всем под крылышком неба
Мирно хочется жить.
Я же с зёрнышком хлеба
Не устану дружить.
Не устану смеяться.
Мне не в ногу с тоской.
Мирно буду сражаться,
Только с хваткой мужской.
Чтобы вечно горела
Над землёю звезда,
Чтоб без риска и смело
В рейсы шли поезда.
Стоит жить и трудиться
Нам в чудесном краю.
И отчизной гордиться,
Помнить маму свою.

1974 г.

Весна пришла

Снова солнышко проснулось,
Плещут яркий свет лучи.
Всё в природе встрепенулось,
С юга к нам летят грачи.
Здравствуй, милая природа!
Раскрасавица-душа!
Всё в природе для народа,
До чего ж ты хороша!
Лёд на речках расступился
Перед солнечным лучом,
Будто новый день родился.
В нём вся жизнь кипит ключом.

1976 г.

О маме

Если вспомнить, то радости мало,
Я в богатой родился семье,
Но не редко, а часто бывало,
Мать печальная виделась мне.
Но сложилось семейное счастье,
Был любимый и много детей.
Только грянуло вскоре ненастье,
И досталось по горлышко ей.
Но была от рожденья упрямой,
Сердцем добрая, верная мать.
И на веки осталася мамой,
Ведь иной не сумела бы стать.

В память о своей матери

Уж так случилось, что в бою
Ты не был мой солдат.
Но ты, как все, стоял в строю,
На фронте был твой брат.
С боями двигаясь вперёд,
Он ждал письма из дома
И верил, мать родная ждёт,
Как ждёт весна дождя и грома.
И грянул гром, но в день осенний
Дождь заливал весь тротуар.
И госпиталь в большом смятенье
Пытался потушить пожар.
Горели не дома, не зданья,
А сердце матери его.
И он, надеясь на свиданье,
В бою был ранен за село.
Не знал, не чувствовал душою,
Что перестала биться грудь,
Что мать повержена грозою,
Ушла, ушла в последний путь.
Лишь ночь печальная прошла,
У брата в доме неспокойно.
На утро с фронта весть пришла:
Ваш сын в бою погиб достойно.
Не верил младший брат письму –
Две смерти сразу невозможны.
На миг представилось ему,
То извещенье просто ложно.
Но потускнели вдруг глаза,
Какая всё же в письмах сила.
И тут солёная слеза
К губам полоску прочертила.

1943 г., 1951 г.

Мой дом родной

Москва-Москва, мой дом родной,
Семьи большой столица.
Тобой, красавицей-Москвой,
Ну как мне не гордиться!
Ты мозг и плоть святой земли,
Республик братских мать.
Ракеты строишь, корабли,
Чтоб силой верной стать.

1977 г.

ГРЯЗНОВА Нина

Родилась в 1938 году, в городе Иваново. Закончила художественное училище в городе Палех Ивановской области.

Несколько лет жила в городе Ангарске.

В 1969 году приехала в посёлок Селятино и работала на Опытном заводе Треста «Гидромонтаж» до выхода на пенсию.

Бегут ручьи

Бегут ручьи по улице –
Весенняя пора,
А мне немного грустно,
Прошла моя весна.
Сверкает солнце в лужице
И радует меня,
Ведь жизнь ещё не кончена
И есть у нас дела.
Пойти к врачу бы надо,
Да толку в этом нет.
«А что ты хочешь, бабка,
Тебе ведь сколько лет?»
Таблетки не помогут от старости спасти,
И лишь надежда теплится
Где-то там внутри,
Что жизнь ещё не кончена,
что будет огород,
Цветочки надо вырастить,
капусту и морковь.
Хоть косточки болят и ноют
И тяжело с утра,
Но мы ведь не сдаёмся,
Работать нам пора.
Сажать, копать и сеять,
И урожая ждать,
На лучшее надеяться
И не унывать.
Не унывают бабки,
С утра встают на грядки,
И сеют, и копают,
Пока не упадут.
А как упали, встали,
Опять пошли копать.
Ничто их не заставит
Плакать и страдать.
Осень быстро наступила,
Холода настали.
Урожай собрать успели,
Даже не устали.
До апреля доживём,
Сил накопим снова
И в атаку мы пойдём
Воевать с природой.
Не страшны нам ливни, грозы,
Ни мороз, ни холода,
Лишь здоровья бы хватило
Нам на долгие года.
И духом мы не падаем,
До 100 нам надо жить,
Зарядку утром делать
И воду надо пить.
Не будем унывать мы
И слёзы горьки лить,
А будем мы надеяться,
Верить и любить.

Берёзка

Растёт берёза белая у моего окна
И, ветками качая, приветствует меня.
И шепчутся листочки, качаясь на ветру.
О чём они судачат, никак я не пойму.
Серёжками увешена, цветёт весной она
И, сказочно красивая, радует меня.
И загрустит моя красавица,
когда наступят холода,
И облетят с неё листочки,
придёт холодная зима.
Сверкает солнце в инее на её ветвях,
Какая ж ты красивая, милая моя.
Подует ветер северный,
пригнётся вдруг она
И выпрямится снова, силами полна.
Не гнись, берёза белая,
будь стройною всегда,
Ты все невзгоды выдержишь,
хоть жизнь и бьёт тебя.

Зачем проклятая война

Зачем, проклятая война,
Нас разлучила ты тогда.
И смутно вспоминаю я
По фотографиям отца.
Пришёл прощаться он домой
В шинели с автоматом,
И этот образ дорогой
Стоит всегда передо мной.
В то время мне три года было,
И навсегда запомню я,
Что это с ним прощанье было
И не увижу больше я отца.
Как мама плакала тогда,
Когда повестку получила
И как не понимала я,
Что жизнь мою разрушила война.
Прошло немало лет с тех пор,
Но боль в душе осталась
Читаю письма я порой
Что с фронта присылались.
Вернулись воины домой,
Почёт им всем и слава!
Но почему забыты мы,
Все дети не вернувшихся с войны.
Мы дети, тех, что отстояли
Свободу, счастье на земле.
Мы дети тех, что бились насмерть
На той незабываемой войне.

ЕМЕЛЬЯНОВА Татьяна

Родилась 26 апреля 1957 года.

В 1973 году начала рабочую деятельность. Основной частью трудового стажа была работа воспитателем в д/с № 34, затем некоторое время работала продавцом.

Пишет стихи на протяжении 17 лет.

Весна

Слов зелёный наряд
Лес дремучий одел.
«Вновь идёт к нам весна», –
Ручеёк нам пропел.
Ароматом цветов
Вновь наполнился луг.
Белизной ослепил
Одуванчиков пух.
Засиял над землёй
Свод небес голубой.
Зазвучал серебром
Голосок озорной.
К нам вернулась Весна!
Ярче, солнце, свети,
Чтоб коснулась любовь
Глубь закрытой души.
Ты беги, ручеёк,
Пробивайся ключом,
О приходе весны
Песню пой с соловьём.
Пусть проснётся земля!
Птицы гнёзда совьют.
Заалеет заря,
Оживёт всё вокруг.
Пусть коснётся сердец
Боль любовной тоски,
И девицы плетут
Своим парам венки.
Чтоб любви – голубок
Поднялся к небесам
С счастьем, Бога венец,
Свой народ обвенчал…

Осень

Наступила осень золотая.
Кругом падает осенняя листва,
И куда-то птицы, улетая,
Что-то мне кричат издалека:
– Улетаем мы в края другие,
В сердце оставляя грусти след.
Но вернёмся мы в края родные,
Лишь над ними вспыхнет солнца свет.
Оставаясь, не грусти, не надо.
Дружбе нашей верность сохрани.
С первою весеннею прохладой
С весточкой вернуться журавли.
Принесут любовь они с собою.
И огонь зажжётся вновь в глазах,
Распахнётся небо голубое,
Вспыхнет факел радости в сердцах».
Я стою на холме одиноко
И с тоскою смотрю им вслед.
Ах, как хочется с ними… далёко…
За любовью отправиться мне…

ЗАВЬЯЛОВА Александра

Родилась в 1935 году, в Челябинской области. Мать – неграмотная домохозяйка, отец – учитель, репрессированный в 1941 году, умер в тюрьме 1942 году.

Закончила автомеханический техникум в 1954 году и Всесоюзный заочный машиностроительный институт в 1962 году, защитила диссертацию в 1974 году, работала доцентом в Политехническом институте до 1997 году.

Первая книжечка со стихами вышла в 1994 году. Всего напечатано 8 книг.

***

Реабилитирован, реабилитирован –
Эта справка мне говорит.
В сорок первом году репрессирован,
Прошло уже полсотни лет.
Ком подступает к горлу,
Почему-то хочется выть…
Ему отвесили норму,
Вместо расстрела – 10 лет.
Но не прожил и полгода –
Чахотка его одолела.
В могилу зарыт какого рода?
Я об этом не ведаю.
Без кладбища и могилки
Где-то кости в земле лежат.
Отмечаю ему сегодня поминки,
Хочу память о нём удержать…

Самоутверждение

Есть такая страна серо-белая.
Там живут пенсионеры престарелые.
Им за семьдесят, семьдесят пять…
Они от жизни хотят ещё что-то взять.
Что-то дать, что-то взять –
Дело не принципиальное.
Надо себя самоутверждать
В серо-белой стране – это главное!
Есть разные направления:
Можно быт семьи улучшать,
Вещи красивые и полезные создавать,
Пейзажи писать или стихи слагать…
Я выбираю последнюю версию.
Считаю, для меня – это верное.

Разочарование

Надоела мне работа,
Надоела суета –
Целый день одна забота
Перелить суметь со дна
Из порожнего в пустое
И опять назад туда.
Настроение станет злое,
Гонит прочь из-за стола.
Бросить бы мне эти возы
И заняться чем-то важным,
Приносить немного пользы
Делу общему отважных.
Но надежда приковала
К стулу жёсткому меня,
Ведь она меня позвала
В путь на поиски песка.
А пока могу отметить:
Пишу стараюсь на листке,
Всё ещё надеюсь встретить
Крупинки золота в песке…

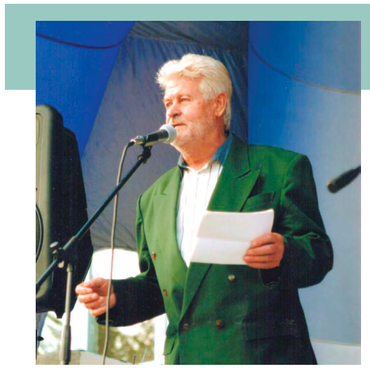
Код

Здравствуй, Новый год!
Здравствуй, эра новая!
Ты принёс нам нужный код
К любви нерасшифрованной.
Нам достался этот код
С безмерной горечью.
И пришедший новый год
Отдал наказ беречь его.
Два человека счастливы мечтой,
Когда имеют ключ к сердцам:
Мы поклялись друг другу вновь
Хранить его, пока живём.

Книжный шкаф

Разбираю свой книжный шкаф,
Выворачиваю содержимое наизнанку,
Предписываю себе пожизненный штраф,
И книги-труженицы отправляются в «банку».
Здесь бесстрастная математика –
Дружное семейство интегралов,
Теории пластичности романтика
И нерушимое сопротивление материалов.

ЛАЗУРИН Юрий



Родился в городе Рубцовске Алтайского края в семье железнодорожника. Окончил Семипалатинский геолого-разведочный техникум, учился в Семипалатинском технологическом институте. Работал на инженерных изысканиях, исколесил всю Горьковскую, Ивановскую, Кировскую области, а также Чувашию, Мордовию, Татарию, Коми АССР.

С 1969 по 1993 год работал в буровом управлении МСУ-24 Треста «Гидромонтаж» посёлка Селятино. Юрий Александрович является непосредственным участником подземных испытаний ядерного оружия в условиях нештатных радиационных ситуаций и других поражающих факторов ядерного оружия. За участие в выполнении правительственных заданий награждён орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За трудовое отличие».

Стихи начал писать с юношеских лет. В большей степени помогала ему кочевая жизнь, когда поэт смог увидеть и почувствовать бескрайние просторы нашей Отчизны.

***

В Подмосковье – солнечно!
Воздух – аромат!
И лесные модницы
Серьгами бренчат.
В хоровод берёзовый
С солнышком приду,
И к берёзе розовой
Грудью припаду,
Милая, российская,
Ситцевая ткань,
С травами душистыми
Мне от предков дань,
Памятью любовную
Душу береди,
С гордостью сыновью
Пой в моей груди.

Осень золотая

Осень золотая листьями шуршит,
С перелётной стаей грусть полей летит.
Грусть по росам чистым,
летним тёплым дням,
По траве душистой, полевым цветам.
И ничто не вечно в солнечных лучах,
Время быстротечно на земных кругах.
На следы метелей упадёт капель,
Солнечные стрелы выпустит апрель.
Выплеснет на волю половодье чувств.
И забудет поле золотую грусть.

Голубая звезда

Проплывает земля
За бортом корабля,
Мы уходим в космический поиск.
Голубая мечта –
Голубая звезда,
К ней ведёт нас тревожная совесть.
Покидаем тебя,
Мать-планета, любя.
Нам подобную встретить надо,
И зовёт нас звезда,
Голубая мечта,
К ней мы мчимся, сметая преграды.
Нить серебряных рек
Тает в сини морей,
Круг прощанья с землёй на исходе.
И ложится на курс
К свету звёздных полей –
Начинаем от гавани взлёта.
Годы крутят спираль,
Уходящую вдаль,
Тайны мы познаём мирозданья.

***

Земля на севере далёком
Среди арктических широт.
Пейзажи Рериха под боком,
Я вижу их натуры плоть:
Слиянье вечности с покоем,
Пустынность скальных берегов…
И ощущаешь поневоле
Себя пылинкой у ветров.

Одна забота обуяла
Меня, покоя не даёт:
Прощанье с севером настало –
Уж скоро близок мой черёд.
Когда ледовый плен покину,
Вернусь в московские леса.
Уже нашёл к тому причину:
Не греют душу небеса.
И солнце здесь зимою в стужу
Не выползает из тепла,
И ночь обедню долго служит,
Эола злобствует метла.
Лишь отрешённый добровольно
Находит собственный покой
В снегах, стихии жутко вольной,
Соединяясь со средой.

Бесконечно здравствуй Наро-Фоминск герой

Наро-Фоминск наш,
в родном Подмосковье,
Труженик славный и стойкий боец:
Здесь остановлен был враг не условный,
С честью несёшь ты достойный венец!
Солнце раннее резвится в воде речной

И играет в блёстках капель грозы ночной.
Храм Никольский озарился в его лучах,
И восторг из сердца рвётся, искрит в глазах.
Речка влажную прохладу несёт с полей
И стремится летним утром к судьбе своей.

Шумом уличным, трезвонным уж день
объят,
И спешит наш город светлый теплом
обнять.

Славой воинской овеян, здесь,
под Москвой.
Бесконечно здравствуй, Наро-Фоминск,
герой!

Русью тканою настоян ты не в песках:
Оставайся стойким, город, в своих делах!

Город у Нары, в родном Подмосковье,
Труженик славный и стойкий боец:
Здесь остановлен был враг не условный,
С честью несёшь ты достойный венец!

***

Кто тревожит мне сердце?
Кто покоя лишил?
Что любовь – знаю верно, –
С ней бороться нет сил.

Перекрыла дороги,
Наполняет мне грудь,
Я стою на пороге,
Не могу продохнуть.

Всё закрыла собою.
Кто же там?.. Не понять…
Светлый облик с тоскою
В каждой встречной искать?

Всё томительней бремя…
Где же ты? Позови!
Отмеряется время
Запоздалой любви.

***

Детство прекрасное,
Чистое, ясное,
Только во снах
Ты приходишь ко мне:
Речи наивные,
Игры невинные,
Тайна открытий
И страхи во сне.

Дымкой подёрнуто,
Временем свёрнуто,
Но обозначен его силуэт:
Послевоенное,
Маршем напевное,
Радость и горечь
От огненных лет.

МАЗУРИНА Нина

Родилась в 1939 году во Владимирской области.

Окончила институт культуры им. Н.К. Крупской в Санкт-Петербурге. Педагог. Приехала в Селятино в 2002 году.

Стихи пишет 20 лет.

Старому другу

Вот и встретились мы снова с тобою,
Как судьба повернула всё,
Пережитое горе наше
Это годы взяли своё.
Часто я вспоминаю юность,
Где танцевали на площадке с тобой
И влюбилась тогда до смерти,
Но ты ушёл от меня к другой.
И остались те годы большие,
А в душе той осталось тепло,
Каждый день вспоминалось счастье
Несостоявшееся очень давно.
Вот и прожили так полсотни,
И осталось всего ничего,
А проститься осталось нам время,
Поступила судьба хорошо.
Я хочу, чтобы помнил долго,
Как ты счастье своё потерял,
Плохо, что так нелепо
Многому не доверял.
Прости, дорогой, Аркаша,
Мы встретимся «там» с тобой,
И никто нас там не разлучит
И не разольёт водой.
Поцелуй меня на прощанье,
И уйду навсегда от тебя,
А до смерти буду помнить,
Что есть ты на свете у меня.

Наш красивый, родной уголок

Много лет прошло, улетело,
А деревушки давно уже нет.
Только и вспомнить, что сады остались,
Не Селятино, а садовый цвет.
И леса тут, тропинка здоровья,
Вокруг зелено, много цветов.
Не рубите, мужики, не рубите,
Пожалейте память наших отцов.
Стоит память – гордость наша,
Дом культуры, кругом всё в цвету,
Сколько разных мероприятий
Каждый день проводится тут.
А дома всё красивей, красивей
Выросли, словно грибок,
Но в Москву не берут почему-то
Красивейший наш уголок.
Храм построили – всем спасибо.
Счастье большое всем нам,
Зайди всегда помолиться,
Дверь тебе открытая там.
Администрация рядом с тобою,
ЖКХ вот тут за углом,
Пусть заботятся о народе,
Ещё лучше тогда заживём!

МОРЕВ Александр

Родился в городе Апрелевке Наро-Фоминского района Московской области 6 августа 1972 года.

В мае 1980 года переехал в посёлке Селятино Наро-Фоминского района Московской области на постоянное место жительства.

Образование: высшее техническое МГТУ ГА (МИИ ГА).

Работал в авиакомпаниях ведущим инженером по авиационному и радиоэлектронному оборудованию.

Летний день на берегу.

Летний день теплом овеян,
Солнце ярко светит нам.
Все мы едем на природу,
Порыбачить и позагорать.

Вся дорога весело проходит,
Пролетают мимо города
Реки, пашни и озёра.
Как красива – Русская земля!..

Проезжаем мы пока немного,
Добираемся до места бивака.
Выбираем первой остановку,
Останавливаясь у бережка.

«Как же замечательно у речки», –
Друг-товарищ вдруг сказал…
Мы, недолго думая, все вместе
Разложились сразу на привал.

Здесь прохладой ветер веет,
Здесь искрится гладь воды,
Здесь у отмели в низовьях
Рыба плещется в воде.

Здесь у нас для отдыха готово:
Лодка, снасти и наживки куш.
Видно, день удачный будет,
Славный будет и улов.

Вечером приятно на закате
Вкусную ушицу нам поесть.
У костра, трескучего немного,
С радостью мы любим посидеть.

А под звуки струн, гитары звучной
С радостью мы песни попоём.
Поглядим на гаснущие звёзды
В переливах света мы вдвоём.

Сутки пролетели незаметно.
На Природе – время, словно миг.
И теперь пора нам снова
Ехать к дому, собираясь в путь.
Так приятны, сладостны минуты,
Проведённые на берегу
В сочетании с Природой,
Познаёшь – Мирскую тишину.

Ожидание дождя

Ветерок поднимается,
К полудню жди грозы, дождя…
Сиянья солнца озорного
Закроет тучка нам, друзья…
Не жди сейчас погоды тёплой,
А поскорей закрой балкон…
Присядь поближе к печке тёплой
И заведи с друзьями разговор…

ОГОНЬКОВА Эрна
(Эрна Гультяева-Огонькова)

Родилась в Иркутске. Жила в Якутии, на Колыме и Урале. Выпускница МХТИ им Д. И. Менделеева и Высших литературных курсов при Литинституте им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. Пишет стихи, песни и прозу – с 1989 года. Автор двух поэтических сборников – «Эхо», «Жизни вечное кольцо», книги прозаических произведений «Клинский луг», публикаций в антологиях и периодике. Готовится к выпуску новый сборник. Имеет дипломы и медаль творческих конкурсов. Живёт в посёлке Новоглаголево.

Эхо

… Иду
и предо мной
столб солнечного дня
И этот мир,
и шар земной
Со мной
и для меня.
Живу
и не страшусь я дня
И всех прошедших лет.
И свет вселенского
Огня
В душе рождает
Свет.

***

Я родилась в Сибири,
у Байкала,
Смолу – живицу в ладанке
ношу,
А кружево Зимы –
снежинок покрывало
У лета жаркого
я иногда
прошу.
Под паровозные гудки
летело детство.
Крапивные лепёшки,
черемша…
И песни мамы,
школа по соседству,
И ледокол войны,
сметая и кроша…

Мой ручеёк

Мой ручеёк
и чист и звонок,
Чуть слышен он
в большом лесу,
Но путь свой знает
уж с пелёнок:
– Я песню светлую
несу! –
В ней свежий ветерок
рассвета,
В ней тропки –
тысячи дорог!
Прощальный колокольчик
лета
И яркой осени листок.
То затихая,
то раздольней
Многоголосый капель
хор.
И ветер подхватил,
и вольно
Несётся песня
на простор.
Вон сколько их
в поток сольётся!
И каждый о своём
поёт.
Мой в быстрине
не захлебнётся.
Он песню
светлую несёт!

Россия

Благодарю Тебя вовек,
Что Родина моя – Россия.
Моя Тайга –
в стремленье рек,
Поля – безбрежно –
снеговые.
Уральских гор
седая прядь
И зеркала
озёр безгласных…
Я не посмею разорвать
тугую нить
рукой бесстрастной.
И эти ясные глаза
всех земляков со мною рядом, –
В комок спрессована слеза
И бесшабашность –
до упада.
К чужой земле
я не стремлюсь,
Своей –
вовек не надышаться.
Из своего ручья
напьюсь…
И припаду,
чтоб вновь подняться!

Ты молись

Ты помолись,
когда на сердце тяжесть,
Дух осужденья
одолел тебя,
Когда тоска
нежданная повяжет,
Когда упали руки,
не любя.
Ты помолись
в безверии холодном
О том, что улетело,
отжило…
Вдруг тёплою волной
расправится
свободно
И встрепенёт
поникшее крыло.
Вольются силы
неземным потоком,
И ты воспрянешь,
словно ото сна,
Увидишь Свет
невидимого Бога,
И снежною зимой
вдруг явится
весна.
Ты помолись…

***

Широким клином,
устремлённым к устью,
В холодном мире звёздной пустоты,
И в вихре дум,
не разделимых с грустью,
В стремленье вечном
К призрачному ТЫ
Светлеют небеса,
и купол выше, выше…
Ни взором, ни сознаньем
не объять.
В безмолвии распахивает
крышу
Небесная всевидящая
рать.
Я каждый день взлетаю
утром ранним –
Благодарю за крылья
и полёт.
И жизни миг,
и радость ожиданий,
И то –
что не дано нам знать
всё наперёд.

ПАРАМОНОВА Наталья

Родилась в Сумской области (Украина). В Селятине проживает с 1972 года. Стихи пишет с двадцати лет. Произведения публиковались в газетах «Киевское шоссе» и «Основа». Участвовала в районных поэтических фестивалях и конкурсах. Занимается художественной самодеятельностью (поет в фольклорном ансамбле «Сударушка»).

Рыжая осень

Освети, солнышко,
Краешек ветвей.
Осень моя рыжая,
Мне любовь навей.
Выхожу я из дому,
Ветерок в лицо.
Сено да солома.
На душе светло.
Дождиком умытая,
Радует нам глаз.
Осень золотистая,
Успокой ты нас.

Стихи прыгают и скачут

Я исцарапала коленца
Но всё равно –
Стихи от сердца!
Вслед смеются петухи.
Плачут и прыгают стихи.
И всё ж понятен смысл:
И боль, и горечь, и разлука.
Искать так сложно нужных слов,
Как эхо, что в лесу аука,
Расхохочись, читатель, вслед,
Я вижу, всё ты подытожил!?
В стихах ты не найдёшь запрет.
Какой же смысл тебя встревожил?

Нет нам писем от сыночка

Нет нам писем от сыночка
Много, много, много дней.
Задержалась его почта,
Трудно ждать нам сыновей.
Нет нам писем от сыночка.
Много, много, много дней.
Ну хотя бы одна точка
Ну словечко, ну полстрочки,
Ну страничка, а на ней –
Здравствуй, Милая, Родная!
Жив, здоров сыночек твой.
Писем трудно ждать, я знаю,
Я вас крепко обнимаю
И хочу, хочу домой.
Нет цветка, засохла почка,
И не спит спокойно мать.
Ежедневно носят почту.
Но не слышу я сынка.
Участь матерей горька.
Мой сыночек, в чём же дело?
Твоё сердце охладело?
Жду письма совсем несмело,
В ящике всё опустело,
Моё сердце заболело.

***

На людях вовсе не сгибаюсь,
Шучу, «лечу» куда-то вдаль.
Как-будто с этим я прощаюсь,
А мои нервы, словно – сталь.
Когда ключом я дверь открою
И стану за порог едва,
Слезинку от людей я скрою,
Не лезет в горло мне еда.
Такая горькая заноза
Сидит, сидит внутри меня,
Не вижу лучшего прогноза,
Ползёт печаль, чуть семеня.
Но, невзирая на погоду,
Я улыбаюсь пустоте,
Как будто много здесь народу.
Порадуйтесь вы красоте.
Найду слова для утешенья,
Любого казуса решенье,
Чтоб не заметили нигде,
Какой я кланяюсь звезде.

2000 г.

ПУЖЛАКОВ Георгий

Родился 25 июня 1934 года в городе Бийске.

Среднюю школу окончил в 1952 году и в этом же году поступил в Томский политехнический институт на геолого-разведочный факультет, который окончил в 1957 году. После окончания института работал на объектах Треста «Гидромонтаж». Закончил трудовую деятельность главным инженер бурового участка. Умер в 2015 году.

На линии фронта

Равнины длинные,
Ромашек мел…
Стою на линии,
Где фронт гремел.

Была завешена
Дымами даль,
И землю бешено
Стегала сталь.

Багрянцем красится
Разлив зари, –
А мне всё кажется –
Трава в крови,

Не близкой осени
В низинах чал –
Разрывов оспины
Ещё звучат.

Как будто видится
Из-под руки:
Над полем высятся не васильки,

Не звёзды синие
Слезит роса –
Пробились с силою
Из мглы глаза.

Сквозь грозы палые
Минувших лет
Из давней памяти
Глядят мне вслед.

Военкоры

Памяти писателя А. Гайдара

В зной или в ненастье,
Скорые на сборы,
Уходили часто
В рейды военкоры.

Собирали вести
Для передовицы
Там, где злые смерчи
Обжигали лица.

И тогда бывало,
Что до «Комсомолки»
Долетали шквала
Острые осколки,

Ветры взрывов дули
С дальней переправы.
…… Пал Гайдар от пули
Где-то близ Леплявы.

Торопливость строчек
Кровь порой росила.
Дописала очерк
О войне
Россия!

Не графитом серым
На клочках бумаги, –
А по мрачным стенам сталью
на Рейхстаге!

***

(Романс)

Клаве в день рождения. 12.10.1994 г.

Погляди на себя молодую,
Глаз своих распознай синеву.
И опять я тебя приревную
К молодому – к себе самому.

Стану стражем у дома, у сада,
Буду твёрдо стоять, как скала,
Но, пожалуйста, только не надо,
Озираясь, глядеть в зеркала.

В них, конечно, иные картины –
Нет тех внешних разливов и льдин.
И не гладь ты смущённо морщины,
Негасимые пряди седин.

Не разгладить все беды и ссоры,
Ты от этих затей откажись,
А представь, что мы просто актёры
Старой драмы с названием «Жизнь».

И, естественно, – это мы в гриме.
Но как только износится грим…
Погляди! – мы идём молодыми
По лазоревым дням молодым.

Город юности

Мой добрый город,
из весны и снега
Ты часто снился мне в чужом краю.
И эта встреча – через четверть века!
Я ничего вокруг не узнаю.

Меня теснят громады новых зданий.
Но сквозь кирпич строений,
сквозь бетон
Вдруг проступают тени очертаний
былых кварталов с четырёх сторон.

Вот призрак-дом:
в открытых окнах – шторы,
гул голосов и ветры ранних лет,
К нему спешу по улице, которой
уже давно на белом свете нет.

Стучусь я в дверь, которой нет в помине.
Вхожу к друзьям – прозрачны телеса…
Студгородок мой в непрозрачной глине –
снесён.
Многоэтажек корпуса,
который год на месте том толпятся.
Заря иная
и иной апрель.
И никогда уже не повторятся
снесённый дом, исчезнувшая дверь,

Гул голосов, что с каждым годом – глуше,
ряды оград, пошедшие на слом…
И прошлое представилось грядущим
на миг в воображении моём.

Март 1983 – август 1984 г., г. Томск

Сны

Смутные сны одолели –
Точат мне сердце, как ржа.
Где, на какой параллели
Странствует нынче душа?

Я просыпаюсь со стоном.
Вновь засыпаю в бреду
И по российским исконным
Долам и весям бреду.

Плечи не режет котомка.
Посох не гнётся резной.
Солнца закатного кромка
Путь освещает земной.

Жгут подаяния крохи.
Горек насущный мне хлеб.
Что там об этой эпохе
Сказано в книге судеб?

Есть ли предел лихолетья?
Пот или кровь по лицу?
Но роковое столетье
Молча подходит к концу.

И почему-то всё снится –
Господи Боже, тону.
Вычерни эту страницу,
Вынеси эту страну,

Вырви из дней непогожих,
Вынь из оков нищеты!
Кто ещё сделает, кто же,
Если не сделаешь Ты?

***

Клаве, к юбилею золотой свадьбы

Светлая, славная, милая,
Вот и пришли к январю.
С неизъяснимою силою
Как же тебя я люблю.

Встретились в дымном Кузбассе
Давней, далёкой порой, –
По изыскательной трассе
К свадьбе пришли золотой.

Милая, светлая, грустная,
Миг этот надо сберечь,
Пусть вспоминается устная
Немногословная речь,

Грезятся лица и здания,
Странствия жизни и – вновь:
Светлая, грустная, ранняя
И внеземная любовь….

Берег детства.

Над перелесками светло,
Час синей рани…
И берег детства моего
Встаёт в тумане.

Уже я вижу сопки скол
Сухой и ржавый,
Я до него так долго шёл –
Всю жизнь, пожалуй.

Пусть метки памяти крепки,
И всё же мог я
Забыть крутой изгиб реки
Подобьем локтя.

Давно над речкой новый мост –
Пролёт летучий,
И вроде не было всех вёрст
За пыльной тучей.

Как будто не было потерь
Больших и малых,
И вновь ко мне придёт апрель
Лет небывалых.

Мечты

За повседневной суетой,
Прогнав хлопот из дома стаю,
Всегда о чём-нибудь мечтаю,
Не расстаюсь всю жизнь с мечтой.

В мечтах объехал столько стран
Пленённый морем, но не пленный.
Мне: в каждой капле океан,
В любой пылинке – лик вселенной.

….Пустынный остров на пути,
Сраженья грозного раскаты,
И до сокровищ не дойти –
Наперехват спешат пираты.

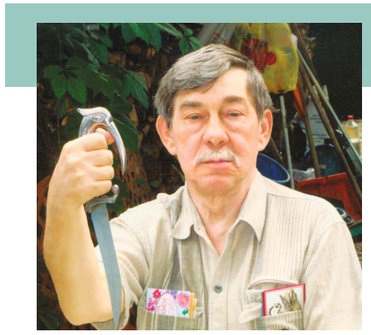
Но навожу я пушки – пли!
И в клубах дыма чёрно-серых
Горят и тонут корабли
Закоренелых флибустьеров.

Сквозь тернии и – напролом.
Жить без мечты – такая скука!

Уже плыву другим путём,
Иду дорогой Джеймса Кука.

И упаду под градом стрел
(Воспоминания мгновенны),

И пусть, изжарив на костре,
Меня съедят аборигены.



РЕВЕНСКОЙ Владимир

Родился 7 июня 1948 года в посёлке Пчела Брянской области. Закончил Апрелевский «ЦНИИЭПСЕЛЬСТРОЙ» по специальности инженер-строитель. С 1982 г. работал в этом же институте.

В Селятино жил с 1979 года Несколько лет работал в Тресте «Гидромонтаж» прорабом.

Умер 24 июня 2017 года.

Селятино

Городок Селятино пригож
Много здесь хорошего найдёшь
Есть здесь клуб, библиотека
Есть больница и аптека
Магазины есть на вкус любой
Привезёт такси тебя домой
В школах учатся ребята
Стадион, бассейн богатый
Будешь весел, если хмурый
В ресторан зайдя Меркурий
Рядом лес, поди сходи
В выходные по грибы
Но нет счастья без беды
Нет поблизости воды
Не цветут вокруг сады
Как крути тут не верти
Унывать, друзья, не надо
Всё же есть у нас отрада
За работу взяться надо
Засучив по локти рукава
В летний зной, сверкнув на солнце
Принесёт тебе в оконце
Облегчение прохладная вода
После сильной зимней стужи
Выйдя в мае мы наружу
На Селятино посмотрим там и тут
Есть яблони и вишни
И легко мы так задышим
Так давайте же мы смело
Будем браться все за дело
А другие поколения
Посмотрев на всё с волненьем
Ещё лучше будут город украшать
И тогда всем будет просто благодать.

К юбилею отца

Летели составы, шумели берёзы
И шли партизаны тропой
А пули не страшны, не страшны морозы
Когда ты совсем молодой
Когда лишь пятнадцать и надо сражаться
И гнать оккупантов-врагов
При встрече с полицией надо держаться
Да, так, чтоб к смерти был ты готов
Прогнали фашистов, и в мирные годы
Как на войне ты в строю
Когда же случалися дни непогоды
Сражался ты словно в бою
Промчалися годы и дни пролетели
Но также, как многие годы назад
Не страшны морозы, не страшны метели
Как прежде в строю, стоишь ты солдат
И мы все собрались на празднике нашем
Чтобы поздравить тебя
Бокалы поднимем в юбилей твой и скажем
Быть может простые слова
Здоровья и счастья на долгие годы
Озёрной воды ключевой
Душистого сада и майской погоды
А мы будем вместе с тобой.

Посвящается Мирей Матье

О Париж, мой Париж!
Ты всегда величаво над Сеной стоишь
Сколько бурь над тобой пролетело, сколько лет
Но весной неизменно вижу я каштановый цвет
О, Париж – моя жизнь
Никогда не устану тебя я любить
И в ночной тишине буду бога молить
Чтобы утром пойти по Парижу грешить
О, Париж – ты любовь
В твоих сумерках вижу веселье и боль
Но в мечтах я хочу от горя тебя уберечь
Чтоб любовь, словно Сена,
Счастливо могла бы потечь
О, Париж, ты мой дом
О тебе я мечтаю и ночью и днём
Я горю, в раскалённом от чувства, огне
Чтобы снова и снова увидеть тебя на горе
О, Париж – ты мой свет
Я тебе пою, чуть наступит рассвет
И мой голос звучит, отвечает мне эхо везде
Мне не жаль, что ему суждено улететь к далёкой звезде
О, Париж – я твоя дочь
Ни огонь, ни свинец не заставят уйти меня в ночь
К людям песни я вечно буду нести
Ну, а если умру, то в последний мой путь проводи, о, Париж
Но пока я жива, в твоём шуме мой голос звучит
И за это благодарна безмерно судьбе
Что в Париже под солнцем живу я – Мирей Матье.

ЦУКАНОВА Людмила

Родилась в городе Бабушкине (ныне это часть Москвы), выросла в Алабине, училась в Петровской средней школе. Выпускница Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской, училась в Институте математики АН СССР. По окончании МОПИ уехала по распределению в Томск-7, где пять лет преподавала математику в школе. С 1970 года проживает в Селятине. Ветеран труда. Стихи пишет с четырнадцати лет. Автор двух поэтических сборников.

* * *

Не обижайтесь на людей, не стоит.
Ведь тот, кто вас обидеть захотел,
Обиды вашей просто не достоин.
И без того хватает дум и дел.
А если вас нечаянно обидели,
Простите им, стараясь всё успеть,
Они свою бестактность не заметили.
Их надо только просто пожалеть.
И всё ж, в заботах трудных иль беспечности
Старайтесь видеть тех, кто с вами рядом,
И, зная хрупкость жизни человеческой,
Не обижать ни словом и ни взглядом,
Оберегать покой людей, достоинство.
Хоть это трудно, стоит потрудиться.
Ведь это счастье – жить в ладу с совестью,
Не мучиться и не стыдиться.

* * *

Волшебен голос твой!
Он звонок и певуч.
Как нежный солнца луч,
Он в душу проникает.
Мгновение! И всё он заполняет,
Не оставляя места ничему.
И только хочется вослед ему
Рыдать и ликовать,
Скорбеть и наслаждаться,
Воспоминаньям милым отдаваться.
И так не хочется на землю возвращаться!
О скрипка, скрипка!
Как жила бы я,
когда б на свете не было тебя?!!

Осенний дождь

Шелестит, постукивает,
Мягко убаюкивает,
Словно бы качает,
Тихо напевает,
В чём-то утешает,
Манит, обещает,
Что-то навевает,
у-ми-ро-творяет.

* * *

Я тоскую не по горам,
Не по рекам, в долинах петляющим,
А по мирным вечерним кострам,
Лица милые освещающим.
Когда шутки и смех у огня
Вдруг сменяются тихой песней
Иль беседой, в которой всем я
И друг другу мы интересны.
По росистым рассветам в лесу,
Когда спят, чуть обвиснув, палатки,
И просвечивает сквозь золу
Уголёк непогасший украдкой.
По проснувшемуся лучу
И по нежному, доброму взгляду,
По надёжного друга плечу,
Что в минуту нелёгкую рядом.

У картины «Утро на даче» С.А. Куприянова

Летний утренний сад весь в лучах и цветах,
На скамейке колышутся лёгкие тени.
Посидеть бы здесь несколько тихих
мгновений,
Побывать в доброй сказке, в гостях.

Босиком по тропинке к забору пройти,
Сполоснуть бы в бадейке усталые руки,
Вдруг лазейку в заветные годы найти
В мир восторга, открытий, не знающий
скуки.

Где смолистые запахи раннего дня
Обещают прекрасным его продолжение,
Где весёлый художник сражает меня
Босоногим своим появлением.

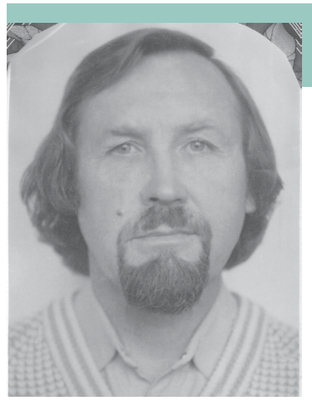
На чуть-чуть бы… Потом возвратиться
назад,
Чтобы в домике славном по крепким
ступеням
В мастерскую подняться, спасибо сказать
За огромное счастье общения.

Шишкин лес. Октябрь

Старинный парк пронизан светом
И чудом летнего тепла.
Столь запоздавшим бабьим летом
Природа чуть удивлена.
Когда-то к речке здесь сбегали
Аллеи-арки юных лип,
И щедро открывали дали
С балкона неоглядный вид.
Канатный мостик через речку…
Его уж нет. С фронтоном вместе
И с крышей вензель «Шереметьев»
Разрушен, растворился в Лете.
Парк уцелел в сём мире зыбком.
Резвится беззаботно в нём
Моя голубенькая рыбка
В прибое листьев золотом.

Истоки

Малые русские города
На крутоярах по-над рекою –
Мы вспоминаем о них не всегда
В суетной жизни, в трудах, в непокое.
Но вдруг нечаянно повезёт
В день удивительный возвратиться
В мир, где душа, наконец, обретёт
Память веков, то, чем стоит гордиться.
Боровск и Суздаль, Углич и Плёс,
Славный, уютный, насмешливый Мышкин.
Сколько в названиях их от берёз
И неоглядных просторов затишья?!!
Ах бы пожить там недельки две-три!
От суеты, от забот отдышаться,
Утром румяным в излуке реки
В струях живительных накупаться.
В быт их неспешный и мудрый войти,
Образной, доброй наслушаться речи…
Вот где истоки, святые ключи,
Вот где с душой моей Родины встреча.



ЧАУСОВ Игорь

Родился в Селятине (1937). По профессии – инженер-электрик. Занимался наладкой оборудования на военных и гражданских ядерных объектах в разных регионах Советского Союза – в Уч-Кудуке, на Камчатке, в Сибири, Красноярске-26, Уржуме, Арзамасе-16. Увлекался живописью, графикой, стихосложением. В 2000-м стал победителем турнира поэтов на празднике «Золотая осень» в Алабине. Книга стихотворений Игоря Чаусова «Акварели», вышедшая в 2001 году, проиллюстрирована самим автором. Трагически погиб в автокатастрофе.

Защитникам России

Кто-то бредил атакой.
Кто-то труса давил.
Кто-то шутками брякал.
Кто-то бога молил.
Поле в саване белом.
Перелески, стога.
Парни заняты делом,
И не видно врага.
Дульных срезов не видно.
Пули в порохе спят.
Всем вокруг очевидно,
Что вот-вот полетят.
Будут портить одежду,
Будут ветки косить.
У кого-то надежду
Украдут, не спросив.
А потом, после боя,
Честь и смерть помешав,
На коленях иль стоя,
Душу вдрызг потроша,
Слава, слёзы не пряча,
Осенила бойцов.
И печальная кляча
И сынов, и отцов
Павших души скликала,
Посылала в полёт
И в слезах до оскала
Намечала исход.
Православность сочилась
От сердец простоты.
И над звёздами взвились
Лишь кресты, лишь кресты.

23.02.2000

Николаю Рубцову

Прости, Михалыч…
Дверь в твою гробницу
нежданно я,
негаданно открыл.
И сердце задохнулось в небылице,
которую
никто не отвратил…
Как мог бы ты, обделённый, неуютный,
растёртый жерновами нелюбви,
бродить в миру
ромашковым салютом
и петь нам гимны добрые свои?
Таких, как ты, изведено немало
на нашей изуверенной Руси.
Ведь ты зажил,
когда тебя не стало.
И каждый вдруг кусочек запросил.
Прости, Михалыч. Ты горел негромко.
Но тот топор, что жизнь остановил,
одним ударом
прорубил дорогу
в ту жизнь, которой ты не подходил.
Сияло солнце. Кто-то землю рыл
для новых,
неожиданных могил…

Поэзия-Страна

Поэзия – прекрасная страна!
Она нас мыслью, страстью вдохновляет.
Строфы совсем короткая волна
Бездарность жизни смыслом наполняет.

Чудит сочтеньем взлётов и глубин,
Философов надменных примиряет,
От розовых ногтей и до седин
Чувствительные души обновляет.

Я покорён, наполнен ей всегда!
Я пушкинской строфой был верно зачат.
Златой петух, Салтан, Руслан, Балда,
Онегин, Пимен, Пётр в мозгу батрачат.

Их память не теряет никогда,
Хоть и прессует новые открытья.
А вымыслов прекрасных череда
Дробит и топит мерзкие событья.

Поэзия – прекрасная страна!
Поэты рвут сердца, чеканят строки.
Жизнь наша непотребностью больна
А Русь всё ждёт:
«Когда ж придут пророки?»

29.05.2001

Друг

«Друг никогда не умирает,
он просто быть перестаёт…»
Он где-то рядом обитает
и счёт вести не устаёт.

Он счёт ведёт моим делам,
моим усталостям и болям.
Он помогает только там,
где ждёт меня моя недоля.

Он всю мне радость отдаёт.
Себе ж берёт коктейль несчастий.
Он чуждых псалмов не поёт
и не сулит святых причастий.

Он перестал ходить ко мне.
Он не смеётся и не спросит.
Но в каждоночном полусне
он лишь под утро в боль уходит.

Моему Пушкину.

Сначала в память влез Балда,
непритязательный, дешёвый.
Его короткая страда,
но с назиданием суровым.

Потом плескалось Лукоморье.
Златая цепь и блудный кот.
Русалка на ветвях у моря.
Она молчит, а кот поёт.

Потом сверкающе-серьёзно
тропили витязи тропу.
И ступа с бабой одиозной
толкла совсем не ту крупу.

Куда-то нёс колдун презренный
Людмилу-прелесть. Наконец,
и царь-Кощей непоборенный
над златом чахнул, как скопец.

Сюжеты, версии, вопросы.
Фантазий буйных сладкий мрак.
Сады, чертоги и утёсы,
Руслана страстного напряг.

Всё было в тонкости одето.
Но всех главнее Русский Дух.
И Русь, как песня, недопета.
Ласкает взор, ласкает слух.

Мы постигали переменно
огромный пушкинский предел.
И бесконечно, вожделенно
в нас тёк восторгов беспредел.

Мы упивались строчкой, рифмой,
сюжетом, страстью и судьбой,
проклятьем, подлостью, молитвой,
викторией в Полтавский бой.
Он дал нам мир необозримый.
Он гордость русскую вознёс.
Он Бог,
он царь,
он друг любимый!
Он Солнце!
Он словесный Крёз!

6.06.1999

ПЕСНИ О ПОСЁЛКЕ СЕЛЯТИНО

ПЕСНЯ О СЕЛЯТИНЕ

Слова ШОХИНОЙ Светланы

Есть уголок с дубравой вековою
Среди полей, где вдаль Десна бежит,
Меж трёх дорог.
Здесь рядышком с Москвою
Селятино посёлок наш лежит.

Припев:
Селятино, Селятино – построено с любовью!
Ты домом стал для каждого, кто верит и творит.
И процветай, Селятино. Ты – гордость Подмосковья!
И славные традиции ты в будущем храни.

По всей стране селятинцы трудились.
Объектов много Трест наш возводил.
«Гидромонтаж» гремел по всей России.
Посёлок всем надёжным тылом был.

Припев:
Селятино, Селятино – построено с любовью!
Ты домом стал для каждого, кто верит и творит.
И процветай, Селятино. Ты – гордость Подмосковья!
И славные традиции ты в будущем храни.

Пусть смело смотрят в будущее дети.
Семьёю дружной мы вперёд идём.
В культуре, спорте и на производстве
Селятино мы славу принесём.

Припев:
Селятино, Селятино – построено с любовью!
Ты домом стал для каждого, кто верит и творит.
И процветай, Селятино. Ты – гордость Подмосковья!
И славные традиции ты в будущем храни.

НАШ ТРЕСТ «ГИДРОМОНТАЖ»

Слова ШОХИНОЙ Светланы
Музыка МУХАЕВА Ростама

1
Двадцатый век гремел великими делами.
Наш Трест «Гидромонтаж» во многом первым был.
И шахты он бурил для многих испытаний,
И ядерным щитом Державу оградил!

Припев:
«Гидромонтаж» – гордимся мы по праву!
«Гидромонтаж» – всегда на высоте!
«Гидромонтаж» принёс России славу
В науке, обороне и в труде!

2
Он строил города, спускался на глубины,
Селятино возвёл и поднял здесь свой флаг!
Чернобыльской весной он защитил полмира,
Со всеми возведя могучий саркофаг.

Припев:
«Гидромонтаж» – гордимся мы по праву!
«Гидромонтаж» – всегда на высоте!
«Гидромонтаж» принёс России славу
В науке, в обороне и в труде!

3
Селятинский наш трест – спецназ всего Средмаша.
И в трудовых боях он побеждал всегда.
Традиции в веках продолжат внуки наши
И славу пусть несут России их дела!

Припев.

ГИМН ОБРАЗЦОВОГО КОЛЛЕКТИВА ХОР «КАПЕЛЬ»

Слова и музыка
КУРГУСКИНА Александра

1-й куплет:
Весь зал в волнении затих
И ждёт лишь первый взмах руки,
И звуки хора через миг
Вспорхнут, как будто мотыльки,
От тихой грусти до веселья
Наполнив чувства нот капелью.

Мы дети счастья и весны,
Наш милый дом зовём «Мечтой»,
Что в нём с любовью взяли мы,
В мир возвращаем красотой,
И мчится к людям наше пенье,
Взлетев на крыльях вдохновенья!

Припев:
«Капель» наша дружная,
Тепло добродушное
Макни в звонких песен акварель
И души бесценные
Раскрась по-весеннему,
Живи, пой на радость всем, «капель»!

2-й куплет:
Горды селятинцы всегда
За наш прекрасный коллектив,
И дети вновь спешат сюда,
Сердца талантам отворив.
Пусть детства каждая страница,
Как колокольчик серебрится!

Припев:
«Капель» наша дружная,
Тепло добродушное
Макни в звонких песен акварель
И души бесценные
Раскрась по-весеннему,
Живи, пой на радость всем!
Кап-кап-кап-кап-кап-кап-капель!

МОЁ ЛЮБИМОЕ СЕЛЯТИНО

Слова ДУЛИКОВА Вячеслава
Музыка ОБЛИКИНА Игоря

От Москвы неподалёку
У сплетенья трёх дорог
Под названием Селятино
Есть чудесный уголок.

Солнце с первыми лучами
Говорит: «Вставай-вставай!»
Утро славится делами,
Любим мы свой отчий край!

Ни за что не променяю
Мой любимый уголок!
Вечно юное Селятино,
Здесь судьбы моей исток.

Здесь дубравы величавы
И красивая Десна
Здесь и люди делом славные.
Добрым делом жизнь полна.

ОБ АВТОРАХ ПЕСНИ «МОЁ ЛЮБИМОЕ СЕЛЯТИНО»

ДУЛИКОВ Вячеслав

Родился в 1943 году в ближнем Подмосковье, сейчас это район Воронцово на Юго-Западе Москвы. В 1960 году окончил Семёновскую среднюю школу № 55, в 1965 году – Московский государственный институт культуры (МГИК). Служил в армии, работал в Доме культуры.

После окончания аспирантуры, с 1972 по 2015 год – во МГИКе. **Кандидат педагогических наук, профессор. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Союза писателей России.**

Выпустил около 20 сборников стихов и прозы. Среди них: «Моё Воронцово» (книга воспоминаний), «Неостывшими искрами» (дневниковые записи), «Листок багряный клёна» (избранные стихотворения). Лауреат III Артиады России (1997) – за книги стихов «Снова слышу колокола» и др. Лауреат Всероссийского музыкального фестиваля «Поклонимся великим тем годам» (2015) – за песню «Щемящие звуки гармони» (совместно с композитором В. М. Назимовым).

Выпустив в 2015 году сборник «Васильковое лето» (малое избранное), автор решил: кажется, всё… Но не тут-то было. Как-то незаметно, за год с небольшим, набралась новая книжечка своеобразных откликов на происходящее в нашей жизни – «Не в счёт, или Возвращение прежнего времени».

Да кое-что было до этого.
Но почему «не в счёт»?
Это как бы сверх избранного, или после избранного.

ОБЛИКИН Игорь

Родился в 1936 году. В 1965 г. окончил Московский государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных. В Академическом хоре русской песни работает с 1988 года. И. Ф. Обликин – народный артист Российской Федерации, профессор, дирижёр ансамбля «Финист Балалайка» Академического хора русской песни.

Крупнейший специалист в области русского фольклора И. Ф. Обликин щедро делится с коллегами своими знаниями, готовит высокопрофессиональных исполнителей. Благодаря этому в ансамбле «Финист Балалайка» играют музыканты, виртуозно владеющие народными инструментами. Исходя из жанровой специфики, каждый из них, помимо основного, владеет ещё и дополнительным, а подчас и не одним музыкальным инструментом.

Руководитель ансамбля «Финист Балалайка» организует выступления коллектива в рамках телевидения и радио. Ансамблем сделано множество фондовых записей и съёмок на телевидении, включая записи концертов, участие в различных программах, съёмках видеоклипов по исполняемым произведениям. Большим спросом пользуются компакт-диск «Art of Balalaika» и диск-гигант «Добро пожаловать в мир искусства ансамбля «Финист Балайка» и др. Широк и разнообразен репертуар ансамбля: это и народные песни разных краев, разных певческих традиций, и широко популярные «Калинка», «Байкал», «Вдоль по Питерской», «Светит месяц» и авторские произведения.

Ансамбль с успехом выступал на самых престижных сценах, таких как: Кремлёвский дворец, Концертный зал имени П. И. Чайковского, Концертный зал «Россия», Культурный центр Государственной Думы РФ. Ансамбль много гастролирует.

Ансамбль «Финист Балалайка», руководимый И. Ф. Обликиным, снискал горячую любовь нескольких поколений слушателей своим вдохновенным искусством, раскрывающим во всей полноте неповторимую красоту и оригинальность русского народного музыкального искусства.

Творчество Игоря Фёдоровича Обликина является огромным вкладом в русскую национальную культуру нашей страны.

В 2008 году награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Содержание

Слово главы городского поселения Селятино Е.Н. Голубева 3

Проза

Ильин Владимир 4
Куприянов Сергей 7
Федулова Прасковья 15
Шохина Светлана 23

Поэзия

Акритас Альбина 32
Александрова Юлия 36
Васильев Владимир 39
Грязнова Нина 41
Емельянова Татьяна 43
Завьялова Александра 44
Лазурин Юрий 46
Мазурина Нина 48
Морев Александр 49
Огонькова Эрна 50
Парамонова Наталья 52
Пужлаков Георгий 53
Ревенской Владимир 56
Цуканова Людмила 58
Чаусов Игорь 60

Песни о посёлке Селятино

Песня о Селятине. Слова Шохиной С. 62
Наш Трест «Гидромонтаж». Слова Шохиной С., музыка Мухаева Р. 63
Гимн образцового коллектива. Хор «Капель». Слова и музыка Кургускина А. 64
Моё любимое Селятино. Слова Дуликова В., мызыка Обликина И. 65

Литературно-художественный альманах

ДУБРАВА

Компьютерная вёрстка: С.Г. Гаврикова
Корректор: Л.И. Дудова

Подписано в печать 00.00.2017 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная
Усл. п. л. 7,90. Тираж 300 экз. Заказ № 880

Отпечатано в ООО «Тамбовский полиграфический союз»
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14А
Тел. 8(4752) 53-26-27
E-mail: info@tps68.ru
www.tps68.ru